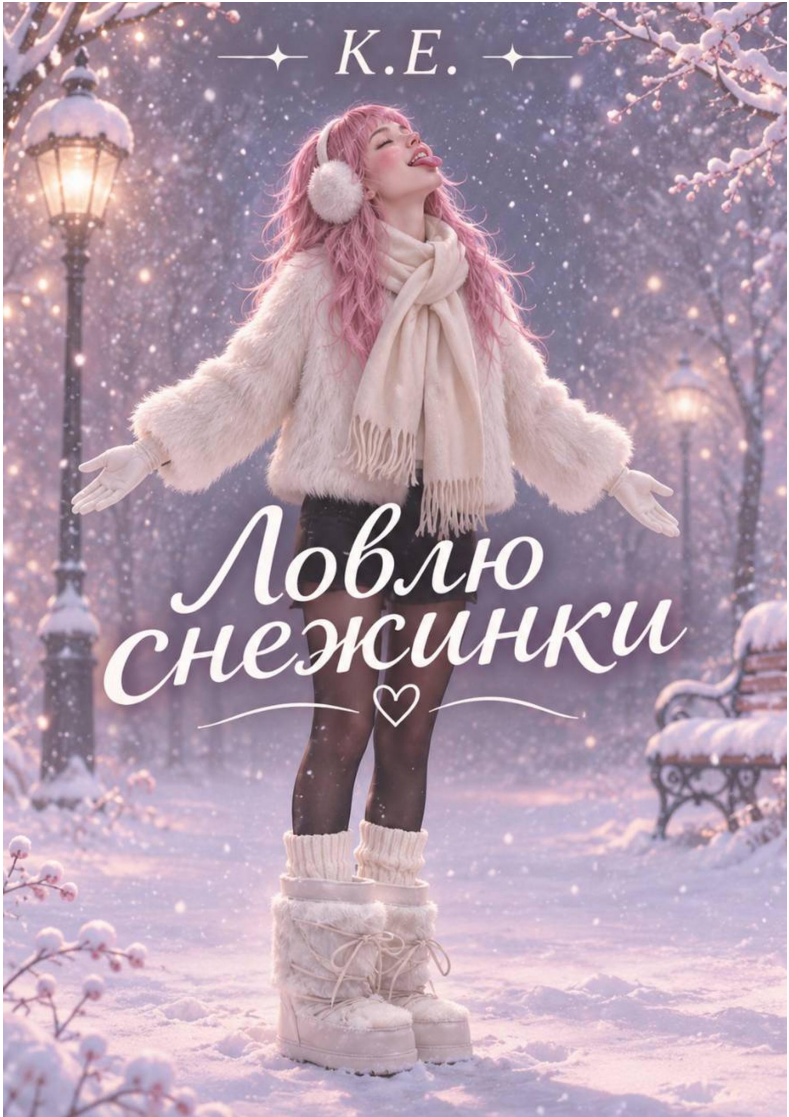

К.Е.
Ловлю снежинки

К. Е.
Ловлю снежинки

https://litres.ru/74722204
SelfPub; 2026

Аннотация

Алисе Ветровой двадцать лет, она студентка-дизайнер с розовыми волосами, вечной нехваткой денег и привычкой ловить снежинки языком. Жизнь её рушится в один день: любимый проект раскритиковали, на карте осталось триста восемьдесят семь рублей, а хозяйка квартиры сообщает, что через две недели её выселяют. А тут ещё какой-то незнакомец в дорогом пальто обливает её любимую белую шубу горячим кофе — и вместо извинений читает лекцию о том, как правильно пользоваться тротуаром.

Каково же её удивление, когда вскоре выясняется, что этот самый незнакомец — Марк Северин, её новый сосед: серьёзный, педантичный архитектор, который пьёт чёрный кофе, составляет списки бытовых правил и, кажется, ненавидит всё, что Алиса любит, — особенно зиму.

Она решает во что бы то ни стало доказать ему, что зима прекрасна, и составляет список из десяти зимних пунктов. Он соглашается участвовать лишь в обмен на помощь с портфолио. Так начинается их договор — с горячего шоколада, снежков и украденного йогурта.

Содержание

Глава 1. Девушка, которая ловила снежинки 5
Глава 2. Самый неприятный человек ноября 26
Глава 3. Сосед с лицом похоронного агента 48
Глава 4. Правила совместного выживания 80
Глава 5. Человек, который ненавидит снег 104
Конец ознакомительного фрагмента. 117

К. Е.

Ловлю снежинки

Часть I . Снег выпал не вовремя

Глава 1. Девушка, которая ловила снежинки

Я ненавижу ноябрь. Нет, серьёзно. Если бы месяцы были людьми, ноябрь оказался бы тем неприятным типом, который приходит в гости без приглашения, съедает последние печенья и сообщает, что ты ужасно выглядишь. В ноябре всегда слишком холодно для осеннего пальто и слишком тепло для зимней куртки. Солнце появляется исключительно тогда, когда ты сидишь на занятиях, а стоит выйти на улицу — небо приобретает цвет грязной тряпки. И ещё в ноябре все почему-то начинают задавать вопросы.

«Алиса, ты определилась с темой курсовой?»

«Алиса, ты нашла подработку?»

«Алиса, ты собираешься когда-нибудь стать серьёзнее?»

Последний вопрос особенно любит моя мама. Обычно она задаёт его с таким выражением лица, словно обнаружила, что вместо дочери двадцать лет воспитывала декоративного енота. Сегодня ноябрь решил окончательно доказать, что он отвратителен. Во-первых, я проспала будильник. Во-вторых, преподаватель по композиции назвал мой проект «визуально перегруженным», хотя лично я предпочитала определение «смелый эксперимент с цветом». В-третьих, у меня закончились деньги. Не вообще все, конечно. На карте остава-

лось триста восемьдесят семь рублей и сорок две копейки. Но в масштабах человеческой жизни это практически финансовая катастрофа.

И наконец, в-четвёртых, мне позвонила хозяйка квартиры.

— Алиса, деточка, ты только не волнуйся, — сказала она голосом человека, который собирается сообщить что-то совершенно ужасное.

Я остановилась посреди университетского коридора.

— Когда разговор начинается с этих слов, обычно кто-нибудь умирает.

— Господи, что ты такое говоришь!

— Значит, никто не умер?

— Конечно нет!

— Отлично. Тогда я уже почти не волнуюсь.

Хозяйка тяжело вздохнула.

— Я решила продать квартиру.

Несколько секунд я молчала.

— Простите, что?

— Квартиру, Алиса. Продать. Покупатели уже есть, и они хотят въехать как можно скорее. Я, конечно, понимаю, что тебе неудобно, но...

— Насколько скорее?

— Через две недели.

Я посмотрела на стену напротив. На ней висел плакат с надписью «ТВОЁ БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ».

Очень своевременно.

— Две недели, — повторила я.

— Да, деточка. Я верну залог, не переживай.

Мне захотелось рассмеяться. Не потому, что было смешно, а потому, что других вариантов организм, кажется, не предусмотрел. Две недели. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов на то, чтобы найти жильё, которое я смогу оплачивать, не продавая собственные органы.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Я что-нибудь придумаю.

Это была моя любимая фраза. «Я что-нибудь придумаю». Я произносила её, когда забывала о дедлайне, когда опаздывала на поезд, когда у меня ломался ноутбук за ночь до сдачи проекта и когда Кирилл сообщил, что нам лучше расстаться. Последний случай, правда, закончился не особенно удачно.

— Ты точно не расстроилась? — осторожно спросила хозяйка.

— Нет, что вы. Я давно мечтала попробовать себя в роли бездомного художника. Очень романтично. Можно будет рисовать портреты прохожих за пирожки.

— Алиса...

— Всё нормально, Елена Петровна. Правда.

Я попрощалась и сбросила вызов. Потом ещё некоторое время стояла возле плаката, размышляя, насколько сложно организовать собственное исчезновение. Наверное, довольно сложно. Особенно когда у тебя розовые волосы.

— Ты выглядишь так, будто только что узнала, что Дед Мороз не существует.

Соня опустилась на стул напротив меня и поставила на стол два бумажных стаканчика. Я подняла голову.

— Подожди. Что значит «не существует»?

— Господи, Алиса.

— Соня, посмотри мне в глаза и скажи, что это неправда.

Она закатила глаза и подвинула ко мне кофе. Соня была моей лучшей подругой с первого курса. У неё имелись три качества, которые я считала жизненно необходимыми: способность говорить правду, умение находить скидки и удивительный талант появляться с кофе именно тогда, когда моя жизнь начинала напоминать мусорный пожар. Мы познакомились на вступительных испытаниях, когда я случайно пролила на её рисунок воду. Соня тогда сказала, что ненавидит меня.

Через двадцать минут мы вместе ели булочки. С тех пор ничего особенно не изменилось.

— Меня выселяют, — сообщила я.

Соня перестала размешивать сахар.

— В смысле?

— В самом буквальном. Через две недели я должна собрать вещи и покинуть своё прекрасное жилище с протекающим краном и соседями, которые каждую пятницу устраивают караоке.

— Хозяйка?

Я кивнула.

— Продаёт квартиру.

— Вот чёрт.

— Именно. Причём большой и рогатый.

Соня задумчиво посмотрела на меня.

— Может, поживёшь пока у меня?

— В твоей комнате?

— Ну да.

— Сонь, у тебя кровать шириной девяносто сантиметров.

— Можно купить надувной матрас.

— И поставить его куда? На потолок?

Она поджала губы.

— Я пытаюсь помочь.

— Знаю.

Я протянула руку через стол и сжала её пальцы.

— Спасибо. Правда. Но я найду что-нибудь.

— На какие деньги?

— Ты сегодня особенно жестока.

— Алиса.

— У меня есть накопления.

— Сколько?

— Это конфиденциальная информация.

— Сколько?

Я вздохнула.

— Если считать деньги на карте и мелочь в копилке, то, возможно, мне хватит на один приличный ужин.

Соня прикрыла глаза.

— Ты невозможная.

— Зато очаровательная.

— Спорное утверждение.

Я сделала глоток кофе и поморщилась. Он был слишком горячим, но хотя бы сладким. За огромными окнами университетского кафе медленно темнело. Студенты торопились по дорожкам, пряча лица в шарфы. Ветер гонял по асфальту последние коричневые листья. Мне вдруг стало невыносимо грустно. Не из-за квартиры даже. Просто иногда кажется, что вся жизнь состоит из вещей, которые приходится отпускать. Люди уходят. Места меняются. Обещания перестают что-либо значить. И ты каждый раз говоришь себе, что в следующий раз будешь осторожнее.

Что не станешь привыкать. Что не позволишь чему-то стать настолько важным, чтобы его потеря могла причинить боль.

— Эй.

Соня щёлкнула пальцами перед моим лицом.

— Ты где?

— Представляю, как буду жить под мостом.

— Не драматизируй.

— Я творческий человек. Это моя профессиональная обязанность.

Она улыбнулась, но взгляд остался обеспокоенным.

— Я поспрашиваю знакомых. Может, кто-нибудь ищет со-

седку.

— Только не в общежитие.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз моя соседка сушила носки в микроволновке.

— Это была одна ситуация.

— Соня, микроволновка загорелась.

— Ладно, убедила.

Мы рассмеялись. И именно в этот момент я увидела снег. Сначала мне показалось, что за окном пролетел тополиный пух. Одна белая точка. Потом вторая. Третья. Я замерла со стаканчиком возле губ.

— Сонь.

— Что?

— Снег.

Она повернулась к окну.

— Ну да. Ноябрь же.

— Снег!

Я вскочила так резко, что стул жалобно скрипнул.

— Алиса, куда ты?

— На улицу!

— Ты кофе не допила!

— Допей за меня!

Я схватила сумку и побежала к выходу. За спиной Соня что-то кричала про шапку, здравый смысл и воспаление лёгких. Но я уже не слушала. Потому что пошёл пер-

вый снег. Есть вещи, которые невозможно объяснить другим людям. Например, почему кому-то нравится запах бензина. Или почему некоторые добровольно просыпаются в шесть утра, чтобы бегать. Или почему я каждый год жду первого снегопада так, словно это личное письмо от Вселенной. В детстве мама говорила, что первая снежинка исполняет желание. Нужно только поймать её языком.

Разумеется, это полная чушь. Снежинки состоят из замёрзшей воды, а не из магии. Я знаю. Мне двадцать лет. Я почти взрослая женщина, которая умеет платить коммунальные счета и самостоятельно записываться к стоматологу. Но есть одна маленькая проблема. Я всё равно верю. Не в буквальном смысле, конечно. Скорее в то, что иногда человеку просто необходимо иметь какую-нибудь глупую традицию. Что-то, ради чего можно остановиться посреди ужасного дня и хотя бы на несколько секунд почувствовать себя счастливой.

Я выбежала из университетского корпуса, натянула на руки перчатки и остановилась на верхней ступеньке. Снег падал крупными, пушистыми хлопьями. Фонари уже горели, и в их свете каждая снежинка казалась маленькой золотистой искрой. Воздух пах морозом, мокрым асфальтом и чем-то неуловимо праздничным. Я улыбнулась. Впервые за весь день — совершенно искренне.

— Ну здравствуй, — прошептала я.

Потом спустилась по ступенькам, вышла на середину ши-

рокой дорожки и запрокинула голову. Снежинки садились на ресницы. Таяли на щеках. Запутывались в розовых прядях, выбившихся из-под меховых наушников. Я закрыла глаза и высунула язык. Одна снежинка коснулась кончика носа. Другая упала на подбородок. Третья, кажется, попала прямо в рот.

— Есть! — радостно воскликнула я.

И в следующую секунду в кого-то врезалась. Точнее, кто-то врезался в меня. Раздался глухой удар. Шорох бумаги. Короткое, очень выразительное ругательство. А затем я почувствовала, как по моей белоснежной шубе растекается что-то горячее. Очень горячее.

— Ай!

Я отскочила назад. Передо мной стоял парень. Высокий. Тёмноволосый. В чёрном пальто, которое выглядело настолько дорогим, что мне захотелось извиниться перед ним за своё финансовое положение. В одной руке он держал телефон. В другой — смятый бумажный стаканчик. Вернее, то, что от него осталось. Потому что содержимое стаканчика теперь украшало мою шубу. Мою белую шубу. Мою любимую белую шубу.

— Вы издеваетесь?! — выпалила я.

Парень медленно опустил взгляд на огромное коричневое пятно. Потом посмотрел на меня. У него были серые глаза. Не голубые. Не зелёные. Именно серые, как небо перед снегопадом. И выражение лица человека, которого только что

заставили участвовать в чрезвычайно глупом эксперименте.

— Вы стояли посреди дороги, — произнёс он.

Я моргнула.

— Что?

— Посреди дорожки, — уточнил он. — С закрытыми глазами.

— И что?

Он посмотрел на меня так, словно я спросила, зачем людям нужен кислород.

— Обычно люди смотрят, куда идут.

— Обычно люди извиняются, когда обливают кого-то кофе!

— Обычно люди не стоят посреди прохода с высунутым языком.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Вы сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

Мне захотелось ударить его сумкой. Не сильно. Так, исключительно в воспитательных целях.

— Вы испортили мне шубу!

— А вы испортили мне кофе.

Я уставилась на него. Он уставился на меня. Снег продолжал падать между нами, словно природа решила, что происходящему не хватает романтической атмосферы.

— Вы всегда такой неприятный? — спросила я.

— Только когда в меня врезаются.

— Это вы в меня врезались!

— Вы стояли на дороге.

— Я ловила снежинки!

Он медленно поднял глаза к небу. Потом снова посмотрел на меня.

— Я заметил.

В его голосе было столько сухого сарказма, что им можно было бы высушить океан. Я скрестила руки на груди. Тут же пожалела об этом, потому что мокрая шуба неприятно прилипла к свитеру.

— Знаете что? Вам бы не помешало немного новогоднего настроения.

— Сейчас ноябрь.

— И что?

— До Нового года полтора месяца.

— Вы календарь наизусть выучили или просто с рождения такой зануда?

На секунду мне показалось, что уголок его рта дрогнул. Но нет. Наверное, показалось.

— Послушайте, — сказал он, — мне действительно жаль, что так получилось.

Я победно приподняла брови.

— О! Значит, вы всё-таки умеете извиняться.

— Но если в следующий раз решите проводить подобные эксперименты, выбирайте место, где не ходят люди.

— А если в следующий раз решите размахивать кофе, вы-

бирайте место, где нет живых существ.

Он посмотрел на часы.

— Мне пора.

— Конечно. Бегите. Вдруг где-то ещё остались люди с чистой одеждой.

Парень ничего не ответил. Просто обошёл меня и направился к университетскому корпусу. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри закипает возмущение.

— Эй! — крикнула я.

Он остановился. Медленно обернулся.

— Что ещё?

— Надеюсь, ваш следующий кофе окажется отвратительным!

Он секунду смотрел на меня. А потом произнёс:

— Надеюсь, вы научитесь пользоваться тротуаром.

И ушёл. Я осталась стоять посреди снегопада. С мокрой шубой. Замёрзшими пальцами. И совершенно испорченным настроением.

— Ненавижу тебя, ноябрь, — пробормотала я.

Снежинка опустилась мне на нос. Я сердито смахнула её перчаткой. Когда я вернулась в кафе, Соня всё ещё сидела за нашим столиком. Она подняла глаза. Посмотрела на мою шубу. На лицо. Снова на шубу.

— Алиса...

— Ни слова.

— Что случилось?

— Я встретила самого отвратительного человека на планете.

Соня поставила стаканчик.

— Ты отсутствовала семь минут.

— Ему хватило тридцати секунд, чтобы испортить мне жизнь.

— Он тебя облил?

— Кофе.

— Горячим?!

— Не настолько, чтобы получить ожог. Но достаточно, чтобы уничтожить мою веру в человечество.

Соня прикусила губу. Я прищурилась.

— Только попробуй засмеяться.

Она издала странный звук.

— Соня.

Её плечи затряслись.

— Прости.

— Это не смешно.

— Я знаю.

— Он сказал, что я стояла посреди дороги!

Соня посмотрела на меня.

— А ты стояла?

Я возмущённо выпрямилась.

— Это вообще не имеет значения!

Она больше не смогла сдерживаться. Расхохоталась так громко, что несколько студентов за соседними столиками

обернулись. Я плюхнулась на стул.

— Предательница.

— Прости, — выдавила она сквозь смех. — Просто я очень хорошо представляю эту картину.

— Он был ужасен.

— Красивый?

Я замерла.

— Что?

— Парень. Красивый?

— Соня!

— Значит, красивый.

— Я такого не говорила!

— Но и не отрицала.

Я открыла рот, чтобы возразить. Потом закрыла. Потому что, к сожалению, незнакомец действительно был красивым. И это раздражало сильнее всего. У него были резкие скулы, прямой нос, тёмные волосы, слегка растрёпанные ветром, и те самые серые глаза. Такие глаза обычно бывают у главных героев любовных романов. Только характер у него был скорее как у злодея. Причём второстепенного. Того, которого все ненавидят и который в конце получает по заслугам.

— Он выглядел нормально, — буркнула я.

Соня довольно улыбнулась.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно.

— Конечно.

Я схватила салфетку и попыталась промокнуть пятно. Кофе уже успел впитаться в мех. Замечательно. Просто прекрасно.

— Мне нужно домой, — сказала я. — Пока эта штука не засохла окончательно.

Соня кивнула.

— Напиши, как доберёшься. И не переживай из-за квартиры. Я что-нибудь найду.

Я посмотрела на неё.

— Правда?

— Конечно. У меня много знакомых.

— Ты лучшая.

— Знаю.

Я обняла её через стол, едва не опрокинув оставшийся кофе. Соня вскрикнула:

— Алиса! Только не второй раз!

Домой я возвращалась пешком. Не потому, что любила прогулки. Просто триста восемьдесят семь рублей и сорок две копейки требовали бережного отношения. Снег усилился. Он покрывал крыши припаркованных машин, ложился тонким слоем на скамейки и превращал город в декорацию к новогоднему фильму. Обычно я обожала такие вечера. Но сегодня даже снег не мог полностью исправить настроение. Телефон завибрировал в кармане. Мама. Я посмотрела на экран и несколько секунд размышляла, стоит ли отвечать. Потом всё-таки провела пальцем по зелёной кнопке.

— Привет.

— Алиса, ты где?

— Иду домой.

— Почему так поздно?

Я посмотрела на часы. Было без двадцати семь.

— Мам, мне двадцать лет.

— Я знаю, сколько тебе лет.

— Иногда у меня возникают сомнения.

— Ты опять грубишь.

Я вздохнула.

— Извини. Просто день тяжёлый.

— Что случилось?

Я хотела рассказать про квартиру. Про деньги. Про испорченную шубу. Про неприятного незнакомца. Но вместо этого сказала:

— Ничего особенного.

Пауза.

— Ты разговаривала с отцом?

Я остановилась. Вот оно. Конечно.

— Нет.

— Он звонил тебе?

— Нет, мам.

— Понятно.

В её голосе появилось то знакомое напряжение, которое всегда возникало, когда речь заходила об отце. Родители развелись три года назад. И с тех пор каждый разговор с мамой

рано или поздно превращался в обсуждение человека, которого она одновременно ненавидела и, кажется, до сих пор не могла отпустить.

— Алиса, я просто хочу, чтобы ты понимала...

— Мам, давай не сегодня.

— Я ещё ничего не сказала.

— Но я знаю, что ты собираешься сказать.

Она замолчала. Я закрыла глаза.

— Прости. Правда. Я очень устала.

— Хорошо, — тихо ответила мама. — Позвони завтра.

— Позвоню.

— И оденься теплее. На улице снег.

Я посмотрела на белые хлопья, оседающие на рукавах.

— Уже заметила.

Мы попрощались. Я убрала телефон и продолжила идти. Иногда мне казалось, что после развода родителей я стала чем-то вроде почтового ящика. Они складывали в меня свои обиды, разочарования, недосказанности. А я должна была всё это хранить. Аккуратно. Молча. Не жалуясь. Впрочем, жаловаться я и правда не любила. Гораздо проще было пошутить. Улыбнуться. Сделать вид, что всё нормально. Я остановилась возле пешеходного перехода. На противоположной стороне улицы молодая пара целовалась под одним зонтом.

Девушка смеялась. Парень поправлял ей шарф. Обычная сцена. Ничего особенного. Но почему-то я не могла отве-

сти взгляд. Когда-то Кирилл тоже поправлял мне шарф. Покупал горячий шоколад. Говорил, что я самая удивительная девушка, которую он встречал. А потом однажды сказал: «Алис, ты слишком сложная. С тобой постоянно что-то происходит. Я устал». Я тогда рассмеялась. Сказала, что он просто не выдержал конкуренции с моей невероятной личностью. А потом пришла домой и плакала в ванной, включив воду, чтобы соседка не слышала.

С тех пор прошло восемь месяцев. Я больше не плакала. Почти. Загорелся зелёный. Я перешла дорогу и свернула к своему дому. Старый пятиэтажный дом встретил меня запахом краски, сырости и чьего-то ужина. На третьем этаже снова играла музыка. Кто-то громко спорил за стеной. В моей квартире было холодно. Я включила свет, сняла ботинки и осторожно повесила шубу на крючок. Пятно выглядело ещё хуже, чем на улице.

— Прекрасно, — сказала я пустой прихожей. — Просто день мечты.

На кухне я поставила чайник. Потом открыла холодильник. Внутри лежали половинка лимона, йогурт с истекающим сроком годности и банка солёных огурцов. Я задумчиво посмотрела на содержимое.

— Изысканный ужин.

Телефон снова завибрировал. На этот раз сообщение пришло от Сони.

Соня: Кажется, я нашла тебе жильё.

Я едва не выронила телефон.

Я: ТЫ СЕРЬЁЗНО???

Соня: Не ори капсом.

Я: Я НЕ ОРУ. Я ВЫРАЖАЮ ЭМОЦИИ.

Соня: Есть комната в большой квартире. Недалеко от универа. Цена нормальная. Хозяйка знакомая моей тёти.

Я: СКОЛЬКО???

Она прислала сумму. Я перечитала её дважды. Потом третий раз. Это было почти на треть дешевле моей нынешней квартиры.

Я: Соня, я готова выйти за тебя замуж.

Соня: Встань в очередь.

Я: Я СЕРЬЁЗНО. ГДЕ ПОДВОХ?

Соня: Там уже живёт один человек.

Я нахмурилась.

Я: Девушка?

Соня: Парень.

Я замерла.

Я: Нет.

Соня: Алиса.

Я: НЕТ.

Соня: У тебя две недели и почти нет денег.

Ненавижу, когда люди используют против меня факты.

Я: Он нормальный?

Соня: Хозяйка говорит, что очень спокойный, чистоплотный, не курит, не устраивает вечеринки.

Я задумалась. Звучало подозрительно идеально.

Я: А он точно живой?

Соня: Что?

Я: Может, это призрак? Или серийный убийца? Почему такой идеальный человек ищет соседку?

Соня: Потому что аренда дорогая, гений.

Справедливо.

Я: Ладно. Когда можно посмотреть?

Соня: Завтра после занятий. Я скину адрес и номер хозяйки.

Я несколько секунд смотрела на экран. Потом медленно улыбнулась. Возможно, ноябрь был не таким уж отвратительным. Возможно, Вселенная всё-таки услышала моё желание. Пусть и с некоторым опозданием. Я подошла к окну. За стеклом продолжал падать снег. Крупный. Мягкий. Почти волшебный. Я коснулась пальцем холодного стекла и нарисовала маленькое сердечко на запотевшей поверхности.

— Ну что, — прошептала я. — Может, всё ещё наладится?

Тогда я ещё не знала, что уже на следующий день снова увижу человека, который испортил мне шубу. Не знала, что он окажется моим новым соседом. Не знала, сколько раз мы будем ссориться, сколько раз он заставит меня плакать и сколько раз я поймаю себя на желании поцеловать его. И уж точно не знала, что однажды этот невыносимый парень станет человеком, ради которого я перестану бояться буду-

щего. Но это будет потом. А пока я просто стояла у окна. Смотрела на снег. И впервые за долгое время позволяла себе надеяться.

Глава 2. Самый неприятный человек ноября

Утро началось с того, что я обнаружила на подушке розовые волосы. Много розовых волос. Целую маленькую розовую катастрофу. Я приподнялась на локтях, посмотрела на них, потом на своё отражение в зеркале напротив кровати и тяжело вздохнула.

— Прекрасно. Скоро стану лысой. Зато не придётся тратиться на краску.

Волосы я перекрасила всего три дня назад. В насыщенный клубнично-розовый, который, по словам Сони, делал меня похожей на героиню японского мультфильма, переживающую личностный кризис. Учитывая, что моя жизнь действительно напоминала бесконечный кризис, цвет подходил идеально. Я провела пальцами по неровной чёлке, которая за ночь приняла форму взрыва на макаронной фабрике, и потянулась за телефоном. Семь сорок две. До первой пары оставалось чуть больше часа.

В университете я должна была появиться с готовыми эскизами, распечатанным референс-листом и хотя бы приблизительным пониманием того, как защитить свою работу перед преподавателем, который считал мою любовь к ярким цветам признаком художественной незрелости. Из перечис-

ленного у меня имелось только одно: приблизительное понимание. Причём весьма приблизительное. Телефон мигнул уведомлением.

Соня: Доброе утро, бездомыш.

Я улыбнулась.

Я: Доброе утро, женщина без сострадания.

Соня: Напоминаю: сегодня в 18:00 просмотр квартиры. Не опаздывай.

Я: Как ты могла подумать, что я опоздаю?

Соня: Позавчера ты опоздала на собственную презентацию.

Я: Это был творческий выход.

Соня: На сорок минут?

Я: Искусство не терпит ограничений.

Следом пришло голосовое сообщение. Я включила его, выбралась из кровати и направилась в ванную.

— Алиса, я серьёзно. Хозяйка очень милая, но она не любит, когда люди не держат слово. Пожалуйста, приди вовремя. И постарайся вести себя нормально. Не рассказывай ей историю про то, как ты устроила пожар в общежитии.

— Я не устраивала пожар! — возмущённо сказала я телефону. — Я была свидетелем!

Разумеется, Соня меня не услышала. Я посмотрела на себя в зеркало. Сонное лицо. Чёлка торчит в разные стороны. Под глазами тени. На щеке отпечаток складки от наволочки. Великолепно. Именно так выглядит девушка, у которой всё

под контролем. Я умылась холодной водой, нанесла крем и принялась приводить волосы в порядок. Рваная стрижка была моим любимым решением за последний год. Она не требовала идеальной укладки, а любое неповиновение прядей можно было назвать художественным замыслом. Правда, сегодня художественный замысел напоминал гнездо.

Через пятнадцать минут мне удалось добиться приемлемого результата. Я подкрасила ресницы, добавила немного розовых румян и блеск на губы, после чего отправилась искать одежду. Белая шуба висела в прихожей. На ней всё ещё красовалось пятно от кофе. Я остановилась перед ней и сложила руки на груди.

— Ну что, подруга? Поговорим?

Шуба, разумеется, молчала. Вчера вечером я осторожно обработала пятно средством для деликатных тканей, но результат оказался далёк от идеального. Коричневатая тень всё ещё виднелась на пушистом мехе, особенно если смотреть при дневном освещении. Моя любимая вещь. Я купила её в прошлом декабре, когда впервые получила приличные деньги за дизайнерский заказ. Три недели рисовала оформление для маленького магазина украшений, почти не спала, переделывала логотип шесть раз и в конце концов потратила половину гонорара на совершенно непрактичную белоснежную шубу.

Мама тогда сказала, что разумнее было бы купить зимние сапоги. Я ответила, что разумные люди редко становятся

легендами. Через неделю она подарила мне сапоги. Теперь, глядя на пятно, я снова вспомнила незнакомца с серыми глазами. Его спокойное лицо. Его отвратительный голос. И особенно фразу про то, что людям следует пользоваться тротуаром.

— Чтоб у тебя все зарядки ломались, — пожелала я ему от чистого сердца.

Потом надела чёрные джинсы, серый свитер и старую куртку, которая пережила со мной три зимы, два расставания и один неудачный поход в горы. На кухне меня ждало новое разочарование. Хлеб закончился. Кофе тоже. Я открыла холодильник и посмотрела на йогурт. Йогурт посмотрел на меня.

— Ладно, — сказала я. — Сегодня ты победил.

Позавтракала я стоя, одновременно пролистывая объявления о подработке. «Требуется дизайнер с опытом от трёх лет». «Нужен специалист по графике, анимации, видеомонтажу и продвижению социальных сетей». «Гибкий график, дружный коллектив, достойная оплата». Последнее объявление настораживало сильнее всего. Когда работодатели стеснялись назвать зарплату, обычно выяснялось, что под достойной оплатой они подразумевали благодарность и возможность профессионального роста. Я сохранила несколько вакансий. Потом вспомнила, что уже опаздываю.

— Чёрт!

Я схватила сумку, выключила свет и выбежала из кварти-

ры. На улице всё ещё лежал снег. Ночью он успел укрыть машины тонкими белыми шапками, забраться на подоконники и превратить газоны в неровные светлые поля. Под ногами хрустело. Небо было бледно-голубым. Холодный воздух пах удивительно свежо. Я остановилась на крыльце и невольно улыбнулась. Вчерашняя неприятность не смогла уничтожить мою любовь к снегу. По крайней мере, не окончательно. Однако сегодня я решила не высовывать язык посреди дороги.

Мало ли. Вдруг где-нибудь поблизости снова ходит человек с кофе и отсутствующим чувством юмора.

— Ветрова, вы опять опоздали.

Анатолий Викторович даже не поднял головы от журнала. Я замерла на пороге аудитории.

— Всего на три минуты.

— На шесть.

— У нас разное восприятие времени.

— У нас одинаковые часы.

Кто-то за последним столом тихо прыснул. Я изобразила самую невинную улыбку.

— Зато я принесла работу.

— Это было обязательным условием, а не дополнительным достижением.

— Сегодня вы особенно суровы.

— Садитесь, Алиса.

Я быстро прошла к Соне, которая уже устроилась возле окна. Она подвинула ко мне свободный стул и прошептала:

— Ты обещала не опаздывать.

— Я обещала не опаздывать к хозяйке квартиры. Это разные вещи.

Соня покачала головой, но улыбнулась. Анатолий Викторович начал разбор наших проектов. Темой задания была визуальная концепция городской рекламной кампании. Нужно было придумать серию плакатов, объединённых одной идеей, и объяснить, почему предложенное оформление привлечёт внимание аудитории. Я выбрала тему «Город, который чувствует». Мои плакаты изображали привычные городские места через эмоции: автобусную остановку как ожидание, пустой парк как одиночество, освещённые окна многоэтажек как надежду.

Цветов было много. Очень много. Анатолий Викторович считал, что слишком много. Я считала, что некоторые люди просто боятся счастья. Когда очередь дошла до меня, я вывела изображения на экран и принялась рассказывать о концепции.

— Я хотела показать, что город существует не только как пространство, но и как совокупность личных историй. Одно и то же место для разных людей может означать совершенно разные вещи. Например, остановка для кого-то — символ ежедневной рутины, а для кого-то — место, где он впервые встретил любимого человека.

— Почему вы выбрали такую насыщенную палитру? — спросил преподаватель.

— Потому что человеческие эмоции редко бывают бежевыми.

По аудитории прокатился смешок. Анатолий Викторович снял очки.

— Ветрова.

— Я серьёзно. Мне кажется, мы слишком часто пытаемся сделать всё визуально безопасным. Будто яркость автоматически означает отсутствие вкуса.

Он внимательно посмотрел на экран.

— Вы понимаете, что в реальной рекламной кампании некоторые ваши решения окажутся слишком сложными для восприятия?

Я кивнула.

— Да. Поэтому я подготовила второй вариант.

Я переключила слайд. На экране появилась более сдержанная версия проекта: меньше цветов, проще композиция, крупнее основные элементы. Преподаватель приподнял брови.

— Интересно.

Я с трудом удержалась от победной улыбки.

— Я подумала, что можно сохранить идею, не жертвуя читаемостью.

— Вот это уже похоже на профессиональный подход. Если доработаете типографику, получится достойная работа.

Я вернулась на место. Соня незаметно показала мне большой палец. Я улыбнулась. В такие моменты мне особенно

нравилось учиться. Когда что-то, существовавшее только у меня в голове, постепенно превращалось в настоящую вещь. Когда из беспорядочных пятен, линий и мыслей рождалась история. Наверное, именно поэтому я выбрала дизайн. Мне хотелось делать мир немного красивее. Хотя иногда я не могла навести порядок даже в собственной комнате.

После занятий мы с Соней отправились в университетскую столовую. Она купила салат и картофельную запеканку. Я — чай.

— Только чай? — спросила Соня.

— Я питаюсь солнечной энергией.

— Алиса.

— И твоей тревожностью.

Соня посмотрела на мой поднос. Потом молча разрезала запеканку пополам и переложила часть на мою тарелку.

— Сонь, не надо.

— Ешь.

— Я правда не голодная.

В этот момент мой желудок издал звук, напоминающий протест голодного медведя. Соня выразительно подняла брови.

— Это был телефон, — сообщила я.

— Конечно.

Я взяла вилку. Несколько минут мы ели молча. За соседними столами обсуждали экзамены, преподавателей и предстоящий университетский фестиваль. Кто-то громко смеял-

ся. На подоконниках стояли пластиковые горшки с растениями, которые, судя по виду, давно потеряли надежду на лучшую жизнь.

— Кстати, — сказала Соня, — я узнала ещё кое-что про квартиру.

Я подняла голову.

— Она с привидениями?

— С тобой невозможно разговаривать.

— Это не ответ.

— Квартира трёхкомнатная. Две спальни и большая общая гостиная. Кухня отдельная. Ванная нормальная. До университета минут пятнадцать пешком.

— Звучит как мошенничество.

— Почему?

— Потому что хорошие квартиры по доступным ценам существуют исключительно в рекламе.

Соня отпила воду.

— Хозяйка сдаёт её знакомым или по рекомендации. Ей важнее, чтобы жильцы были нормальными.

— Значит, мне придётся скрывать свою личность.

— Очень смешно.

— А парень?

— Что парень?

— Сосед. Кто он? Студент? Работает? Разводит экзотических пауков? Коллекционирует человеческие волосы?

— Господи, откуда у тебя такие мысли?

— Я смотрю документальные фильмы.

— По словам хозяйки, он учится и работает. Очень ответственный.

Я задумалась.

— Ответственный — это хорошо.

— Вот именно.

— Но ещё бывает скучный.

— Алиса!

— Что? Я просто рассуждаю. Возможно, он из тех людей, которые сортируют носки по оттенкам.

Соня невольно улыбнулась.

— Ты сама сортируешь косметику по цветам.

— Это другое. Это эстетика.

Она покачала головой.

— Главное, не испорти первое впечатление.

Я ткнула вилкой в картофель.

— Ты говоришь так, словно я способна кого-то напугать.

Соня молча посмотрела на мои волосы.

— Не смей.

— Я ничего не сказала.

Я показала ей язык. И в этот момент телефон на столе завибрировал. На экране высветилось имя отца. Улыбка исчезла сама собой. Соня заметила это сразу.

— Не хочешь отвечать?

Я перевернула телефон экраном вниз.

— Потом.

— Вы давно разговаривали?

— Недели две назад.

— Алиса...

— Сонь, пожалуйста.

Она замолчала. Я знала, что подруга переживает. Знала и то, что мой отец не самый ужасный человек на свете. Он не кричал на меня. Не запрещал заниматься любимым делом. Не исчезал на годы и не забывал поздравлять с днём рождения. Он просто ушёл. Собрал вещи, сказал маме, что больше не любит её, и переехал к женщине, которую я раньше видела всего дважды. Мне было семнадцать. Я прекрасно понимала, что взрослые люди иногда разводятся. Понимала, что любовь не обязана длиться вечно. Понимала даже, что родители не должны оставаться вместе только ради ребёнка.

Но между пониманием и принятием существовала огромная пропасть. Особенно когда отец через три месяца после развода сообщил, что собирается жениться. На другой женщине. С которой, как выяснилось позже, встречался ещё до того, как ушёл от мамы.

— Он, наверное, просто хочет узнать, как у тебя дела, — осторожно сказала Соня.

Я пожала плечами.

— Может быть.

— Ты могла бы рассказать ему о квартире.

— Зачем?

— Возможно, он поможет.

Я отложила вилку.

— Не хочу.

— Почему?

Вопрос прозвучал спокойно, без осуждения. И всё равно мне стало неприятно.

— Потому что каждый раз, когда он помогает, я чувствую себя обязанной быть благодарной за то, что он вообще вспомнил о моём существовании.

Соня ничего не ответила. Я посмотрела в окно. За стеклом медленно кружились редкие снежинки.

— Прости, — сказала я через несколько секунд. — Я не хотела грубить.

— Ты не грубила.

— Просто не хочу сейчас об этом говорить.

— Хорошо.

Она протянула руку и накрыла мою ладонь своей.

— Но ты ведь понимаешь, что не обязана всё делать одна?

Я улыбнулась.

— Конечно. У меня есть ты.

— И я уже начинаю жалеть об этом.

— Поздно. Наш договор о дружбе бессрочный.

Мы рассмеялись. И напряжение немного отпустило. К пяти вечера я успела сделать три важных дела. Отправила отклик на вакансию помощника дизайнера. Получила отказ по другой заявке. И купила булочку с корицей, потому что иногда финансовую дисциплину необходимо нарушать ради

психологического здоровья. Ещё я позвонила в химчистку. Когда девушка на другом конце провода назвала примерную стоимость чистки шубы, я посмотрела на неё так, словно она предложила мне продать почку.

— А если пятно небольшое? — уточнила я.

— Цена зависит от изделия, а не только от размера загрязнения.

— Понятно.

— Хотите записаться?

Я посмотрела на свою банковскую карту.

— Пока нет. Спасибо.

После разговора я ещё несколько минут стояла посреди торгового центра, пытаясь решить, что сейчас важнее: чистая шуба или возможность питаться до конца месяца. Победило питание. Хотя с небольшим перевесом. Без десяти шесть я вышла из автобуса на незнакомой остановке. Район оказался удивительно приятным. Невысокие дома с широкими окнами стояли вдоль тихой улицы. На первых этажах располагались маленькие магазины, цветочная лавка, аптека и кофейня с деревянной вывеской «Понедельник». Я остановилась перед ней.

— Интересное название для места, которое должно приносить радость.

Из открывшейся двери пахнуло свежей выпечкой и ванилью. Мой желудок снова напомнил о своём существовании. Я поспешила дальше. Дом, который был мне нужен, стоял

чуть в стороне от дороги. Светло-серый фасад. Пять этажей. Аккуратный двор с деревянными скамейками. У подъезда росла большая ель, на нижних ветках которой уже лежал снег. Я остановилась и посмотрела на окна. Интересно, какое из них могло стать моим? Там, за стеклом, кто-то сейчас пил чай, делал домашнее задание или разговаривал по телефону.

Жил обычную жизнь. А я через несколько дней, возможно, окажусь частью этого маленького мира. От этой мысли стало неожиданно волнительно. Телефон завибрировал.

Соня: Ты на месте?

Я: Да.

Соня: Я горжусь тобой. Ты не опоздала.

Я: Хочу грамоту.

Соня: Сначала получи квартиру.

Я усмехнулась, убрала телефон и набрала номер хозяйки. Ответили почти сразу.

— Алло?

— Здравствуйте, Елена Андреевна? Меня зовут Алиса. Мы договаривались о просмотре комнаты.

— Ой, Алиса! Конечно, помню. Ты уже подъехала?

— Да, стою возле подъезда.

— Замечательно! Сейчас открою.

Домофон коротко пискнул. Я вошла внутрь. Подъезд пах свежей краской и чем-то сладким. На подоконнике между этажами стоял горшок с огромным фикусом. Рядом висело объявление с просьбой не оставлять мусор возле лифта. Я

поднялась на третий этаж. Возле двери с номером двадцать семь стояла женщина в длинном бежевом кардигане. У неё были короткие каштановые волосы, аккуратные очки и такое приветливое выражение лица, что я сразу почувствовала себя немного спокойнее.

— Алиса?

— Да. Здравствуйте.

— Проходи, дорогая. Я Елена Андреевна.

Она отступила в сторону. Я вошла в квартиру. И едва удержалась от восторженного возгласа. В прихожей было светло. Очень светло. Белые стены, деревянный пол, большое зеркало в полный рост и аккуратная обувница. На небольшой полке стояла керамическая вазочка для ключей. Никаких облупившихся обоев. Никакого запаха сырости. Никаких подозрительных пятен на потолке.

— Разувайся, — предложила хозяйка. — Тапочки можешь взять вот здесь.

Я послушно сняла ботинки.

— У вас очень красиво.

— Спасибо. Мы с мужем долго здесь жили, пока не переехали за город. Не хотелось продавать квартиру, поэтому решили сдавать.

Она провела меня на кухню. Я влюбилась в неё с первого взгляда. Большое окно выходило во двор. Под ним стоял светлый деревянный стол на четырёх человек. На подоконнике лежала стопка книг, а рядом с чайником красовалась

банка с печеньем.

— Здесь всё общее, — объяснила Елена Андреевна. — Холодильник, плита, посуда. Только продукты каждый покупает себе сам, если вы с соседом не договоритесь иначе.

— Понятно.

— Он, кстати, очень аккуратный мальчик.

Я мысленно насторожилась. Когда взрослые женщины называли двадцатилетних мужчин мальчиками, это могло означать что угодно. От воспитанного студента до сорокалетнего безработного, который до сих пор просил маму записывать его к парикмахеру.

— А сколько ему лет? — осторожно спросила я.

— Двадцать два.

Уже лучше.

— Он учится?

— Да. На архитектурном. И работает. Очень занятой молодой человек.

Архитектурный факультет. Я задумалась. В нашем университете был архитектурный. Получалось, мы, вероятно, учились в одном месте. Город не настолько большой, чтобы это казалось невероятным.

— А как его зовут?

— Марк.

Я кивнула. Имя показалось мне красивым. Коротким. Немного строгим. Наверное, человеку с таким именем полагалось носить часы на кожаном ремешке, пить чёрный кофе

и разговаривать исключительно о серьёзных вещах.

— Он сейчас дома? — спросила я.

— Нет, сегодня работает допоздна. Я предупреждала его о просмотре, он не возражает.

Она показала гостиную. Там стояли мягкий серый диван, книжный шкаф и телевизор. На стене висели несколько чёрно-белых фотографий города. На журнальном столике лежал раскрытый архитектурный альбом. Рядом — карандаш и линейка.

— Это вещи Марка, — пояснила хозяйка. — Он иногда работает здесь. Надеюсь, тебе не помешает.

— Нет, конечно.

Я подошла к окну. Отсюда был виден двор, ель возле подъезда и кусочек улицы с фонарями. Представилось, как я сижу здесь вечером с ноутбуком. На улице падает снег. На столе стоит горячий шоколад. В комнате горит гирлянда. И никто не спрашивает, почему я до сих пор не научилась жить правильно.

— А теперь покажу твою комнату.

Я обернулась. Сердце почему-то забилось быстрее. Елена Андреевна открыла дверь в конце коридора. Комната оказалась небольшой, но очень уютной. Широкая кровать с мягким изголовьем. Письменный стол возле окна. Белый шкаф. Две настенные полки. Светлые шторы. И самое главное — большое окно. Я подошла к нему. За стеклом медленно падал снег. Совсем немного. Но достаточно, чтобы всё вокруг

выглядело сказочным.

— Нравится? — спросила хозяйка.

Я улыбнулась.

— Очень.

И это было правдой. Впервые за последние сутки мне показалось, что переезд может оказаться не только неприятностью. Возможно, он станет началом чего-то хорошего. Мы обсудили условия. Стоимость аренды соответствовала той, что прислала Соня. Коммунальные платежи делились пополам. У каждого жильца была отдельная комната с замком. Гостей можно было приглашать, но желательно предупреждать соседа.

— Главное, чтобы вы уважали друг друга, — сказала Елена Андреевна. — Я не хочу, чтобы квартира превращалась в поле боя.

— Конечно, — серьёзно ответила я. — Я очень мирный человек.

Она улыбнулась. Я решила не уточнять, что вчера мысленно прокляла незнакомца с кофе.

— Есть ещё один момент, — продолжила хозяйка.

Я насторожилась. Вот оно. Сейчас выяснится, что в квартире живут тараканы размером с котов. Или по ночам здесь плачет призрак. Или Марк действительно коллекционирует человеческие волосы.

— Сосед любит тишину, — сказала Елена Андреевна. — Особенно по вечерам. Он много работает, поэтому иногда

возвращается уставшим.

Я облегчённо выдохнула.

— Это не проблема. Я тоже часто занимаюсь допоздна.

— И он не очень любит беспорядок.

— Я аккуратная.

Хозяйка посмотрела на мои розовые волосы. Не осуждающе. Скорее с любопытством.

— Ну, думаю, вы поладите.

Я очень хотела в это верить. Через сорок минут мы уже сидели на кухне и пили чай. Елена Андреевна рассказывала о районе, соседях и маленьком продуктовом магазине за углом. Оказалось, что она любит печь пироги, выращивать цветы и давать людям непрошеные советы. Последнее выяснилось, когда она узнала, что я изучаю графический дизайн.

— Ты главное не забывай нормально питаться, — сказала она. — У меня племянница тоже училась на творческой специальности. Могла сутками сидеть за компьютером. Потом гастрит заработала.

Я послушно кивнула.

— Постараюсь.

— И спать нужно.

— Конечно.

— А то молодёжь сейчас совсем себя не бережёт.

Я отпила чай. Елена Андреевна посмотрела на меня с улыбкой.

— Ты не подумай, что я вмешиваюсь.

— Что вы.

— Просто переживаю.

И почему-то это прозвучало искренне. Когда она протянула мне ещё одно печенье, я вдруг почувствовала странное тепло. Совсем небольшое. Но настоящее. Последние месяцы мне не хватало именно таких мелочей. Чтобы кто-то просто спросил, не холодно ли мне. Предложил чай. Сказал, что всё будет хорошо, не требуя ничего взамен.

— Елена Андреевна, — осторожно начала я, — а можно будет переехать в субботу?

Она задумалась.

— Думаю, да. Комната свободна. Только мне нужно предупредить Марка.

— Конечно.

— Договор мы можем подписать заранее. Первую оплату внесёшь через десять дней, как договорились. Мне Соня объяснила твою ситуацию.

Я опустила взгляд на чашку.

— Спасибо вам большое.

— Да за что же, Алиса? Я сама когда-то была студенткой.

Она улыбнулась.

— Только учти: если будешь устраивать вечеринки до утра, я тебя выселю.

— Я не устраиваю вечеринки.

— Правда?

— Ну... не очень часто.

Хозяйка рассмеялась. Когда я вышла из квартиры, на улице уже окончательно стемнело. Снег кружился возле фонарей. Воздух стал холоднее, но мне почему-то было тепло. Я остановилась возле подъезда, достала телефон и набрала Соню. Она ответила после первого гудка.

— Ну?!

— Соня.

— Что?

— Я нашла дом.

Несколько секунд на другом конце было тихо. Потом подруга радостно завизжала. Я отодвинула телефон от уха.

— Господи, Соня!

— Я ЖЕ ГОВОРИЛА!

— Ты сейчас оглушишь меня!

— Ну как там? Красивая квартира? А комната? А сосед? Ты его видела?

Я улыбнулась.

— Всё замечательно. Комната светлая, кухня большая, хозяйка очень милая. Соседа не было. Но, судя по всему, он нормальный.

— Вот видишь!

— Правда, он любит тишину и порядок.

— Значит, вы идеальная пара.

— Соня.

— Что?

— Я тебя заблокирую.

Она рассмеялась. Мы проговорили ещё минут десять. Я рассказала о квартире, о большой ели во дворе, о комнате с окном и о том, что переезжаю уже в субботу. Соня пообещала помочь с вещами. Даню, которого я пока знала только по её рассказам, она тоже собиралась привлечь.

— Он сильный, — сообщила подруга. — Пусть хоть раз принесёт пользу обществу.

— А он согласится?

— Куда денется.

Мне стало смешно. Когда разговор закончился, я подняла голову. Снежинки медленно опускались на лицо. Одна коснулась губ. Я улыбнулась и высунула язык. На этот раз рядом никого не было. Никто не врезался в меня. Никто не пролил кофе. Никто не сообщил, что я неправильно пользуюсь тротуаром.

— Вот видишь, ноябрь, — тихо сказала я. — Мы ещё можем подружиться.

Я не знала, что в квартире номер двадцать семь меня ждёт человек, с которым дружить окажется сложнее всего. И что спокойный, ответственный Марк, о котором так тепло отзывалась Елена Андреевна, совсем скоро станет моим личным кошмаром. Хотя, наверное, стоило догадаться. Слишком уж хорошо всё складывалось. А моя жизнь никогда не отличалась любовью к простым сюжетам.

Глава 3. Сосед с лицом похоронного агента

У каждого человека есть предел терпения. Мой наступил в субботу в девять часов утра, когда Соня сообщила, что коробка с надписью «ХРУПКОЕ» подозрительно звенит.

— Алиса, — осторожно сказала она, стоя посреди моей почти пустой комнаты, — а что здесь?

Я подняла голову от чемодана.

— Где?

— В коробке.

— Вещи.

— Какие вещи?

— Хрупкие.

Соня закрыла глаза.

— Я это уже поняла. Почему они звенят?

Я задумалась.

— Возможно, потому что там кружки.

— Ты их чем-нибудь обернула?

Я посмотрела на неё. Потом на коробку. Потом снова на неё.

— В каком смысле?

Соня медленно поставила коробку на пол.

— Господи, дай мне сил.

— Если что, они дешёвые.
— Алиса!
— Кроме одной.
— Какой?
— С котом.
— Ты невозможная.
Я уселась на чемодан, пытаясь застегнуть молнию.
— Зато со мной не скучно.
— Это точно.

Соня приехала ко мне с самого утра, вооружённая двумя пакетами, рулоном скотча и решимостью организовать переезд так, словно мы готовились к военной операции. Я, со своей стороны, подготовилась тоже. Купила кофе. Нашла коробки. И морально согласилась с тем, что придётся расстаться с половиной вещей, которые по неизвестной причине накопились за два года самостоятельной жизни. Правда, на практике расставаться оказалось сложнее.

— Зачем тебе четыре одинаковых блокнота? — спросила Соня, вытаскивая из ящика письменного стола очередную стопку.
— Они не одинаковые.
— Все розовые.
— У них разные оттенки.
— Алиса.
— Один клубничный, второй пыльно-розовый, третий...
— Я поняла.

Она сложила блокноты в коробку.

— Забираем все.

— Спасибо за понимание.

Соня посмотрела на часы.

— Даня должен подъехать через полчаса. Ты успеешь собрать остальное?

— Конечно.

В этот момент чемодан подо мной издал подозрительный треск. Мы обе замерли.

— Алиса, — медленно произнесла Соня, — что ты туда положила?

— Одежду.

— Всю?

Я невинно улыбнулась. Она тяжело вздохнула.

— Встань.

Я послушно поднялась. Соня открыла чемодан. Из него немедленно вырвался рукав белого свитера, за ним — розовый шарф, а потом на пол выпала плюшевая игрушка. Маленький белый медведь. Соня подняла его за лапу.

— А это зачем?

Я выхватила игрушку.

— Его зовут Пломбир.

— Я не спрашивала, как его зовут.

— Он пережил со мной многое.

Соня посмотрела на меня с выражением усталого родителя.

— Например?

— Экзамены. Развод родителей. Три неудачные стрижки. Кирилла.

На последнем слове я замолчала. Пломбир был подарком от отца. Мне исполнилось десять, когда он принёс домой огромную коробку, перевязанную голубой лентой. Внутри сидел белый медведь с чёрными пластиковыми глазами и смешным круглым носом. Папа тогда сказал, что Пломбир будет охранять мои сны. Я спала с ним до четырнадцати. Потом убрала на полку, потому что решила, что стала взрослой. А после развода родителей почему-то снова начала брать его в кровать. Соня заметила перемену в моём лице.

— Ладно, — мягко сказала она. — Пломбира забираем.

Я кивнула.

— Спасибо.

Она не стала ничего спрашивать. За это я любила её особенно сильно. В десять пятнадцать раздался звонок в дверь. Я открыла и обнаружила на пороге высокого светловолосого парня в тёмно-зелёной толстовке. Он держал два стаканчика кофе и бумажный пакет.

— Доброе утро, прекрасные дамы!

Я подозрительно посмотрела на него.

— А вы кто?

— Ваш спаситель.

— Это очень громкое заявление для человека, которого я вижу впервые.

Парень широко улыбнулся.

— Даня. Друг Сони. Специалист по переноске тяжестей, моральной поддержке и поиску приключений.

— А последнее входит в стоимость?

— Это бесплатный бонус.

За моей спиной появилась Соня.

— Даня, ты опоздал.

— Всего на пятнадцать минут.

— На двадцать.

Я довольно улыбнулась. Наконец-то кто-то разделял моё восприятие времени. Даня протянул Соне стаканчик.

— Капучино без сахара, как ты любишь.

Она замолчала. Посмотрела на кофе. Потом на Даню.

— Ты мог хотя бы предупредить, что задерживаешься.

— Мог, — легко согласился он. — Но тогда ты бы не успела соскучиться.

Я медленно повернула голову к Соне. Она покраснела. О. Интересно. Очень интересно.

— Так, — сказала подруга слишком громко. — Хватит болтать. У нас куча вещей.

Даня заглянул за её плечо. Осмотрел коробки. Чемоданы. Пакеты. Снова посмотрел на меня.

— Ты переезжаешь или открываешь магазин?

— А ты всегда задаёшь столько вопросов?

— Только симпатичным девушкам.

Соня издала странный звук. Я прикусила губу, чтобы не

рассмеяться.

— Дань, — сказала она, — бери коробку.

— Какую?

— Самую тяжёлую.

— Ты меня ненавидишь?

— Иногда.

Он подмигнул мне.

— Видишь? Она всегда такая ласковая.

Я посмотрела на подругу. Потом на Даню. И окончательно убедилась, что между ними что-то происходит. Пусть они сами об этом пока и не догадываются. Когда мы наконец вынесли вещи на улицу, мне захотелось лечь прямо на снег и больше никогда не двигаться. Оказалось, что переезд состоит из трёх стадий. Первая — оптимизм. Вторая — ненависть к собственному имуществу. Третья — желание поджечь всё и начать новую жизнь с зубной щёткой. Я находилась где-то между второй и третьей. Даня открыл багажник машины.

— Так, девочки, признавайтесь, кто из вас решил перевезти пианино?

— У меня нет пианино, — сообщила я.

— Тогда почему эта коробка весит как маленький автомобиль?

— Там книги.

Он посмотрел на надпись сбоку.

— «Книги. Очень важные. Не выбрасывать».

— Всё верно.

— А эта?

Он указал на следующую коробку.

— «Книги. Ещё важнее».

— У меня сложная система классификации.

Даня рассмеялся. Соня сложила руки на груди.

— Алиса, ты вообще понимаешь, что у тебя вещей больше, чем у нас двоих вместе взятых?

— Я творческий человек.

— Это не оправдание.

— Для меня — оправдание.

Мы уложили коробки в багажник, задвинули чемоданы на заднее сиденье и каким-то чудом поместили оставшиеся пакеты у ног. Перед тем как сесть в машину, я обернулась на дом. В окнах моей бывшей квартиры отражалось серое ноябрьское небо. Я прожила здесь почти два года. Плакала после расставания с Кириллом. Смеялась с Соней до трёх часов ночи. Впервые самостоятельно готовила суп и едва не отравила себя пересоленной водой, которую по ошибке приняла за бульон. Здесь я научилась оплачивать счета. Здесь получила первый серьёзный заказ.

Здесь поняла, что жить одной не так страшно, как казалось в детстве. И всё равно сейчас мне было грустно.

— Эй, — позвала Соня. — Ты чего?

Я покачала головой.

— Ничего. Просто странно.

Она подошла ближе.

— Жалко уезжать?

— Немного.

— Это нормально.

Я посмотрела на закрытые окна.

— Знаешь, иногда мне кажется, что я только успеваю привыкнуть к чему-нибудь, как приходится начинать всё заново.

Соня помолчала. Потом обняла меня за плечи.

— А может, новое место окажется лучше?

Я улыбнулась.

— Может.

— Там хотя бы кран не течёт.

— Уже серьёзное преимущество.

— И есть красивый сосед.

Я повернулась к ней.

— Что?

Она невинно моргнула.

— Я сказала: ответственный сосед.

— Соня.

— Что?

— Ты что-то знаешь?

— Ничего.

Она слишком быстро отвернулась. Я подозрительно прищурилась, но допросить её не успела. Даня высунулся из машины.

— Девочки! Если мы не поедем сейчас, я успею состариться, жениться и завести троих детей!

— На ком жениться? — тут же спросила я.

— А вот это уже интересный вопрос.

Он посмотрел на Соню. Она закатила глаза. А я решила, что переезд всё-таки может быть весёлым мероприятием. Дорога заняла двадцать минут. Даня включил музыку, Соня пыталась построить маршрут без пробок, а я сидела сзади между пакетами и размышляла о будущем. Новое жильё. Новый сосед. Новая жизнь. Звучало почти как начало фильма. Только в фильмах героини обычно переезжают с одним чемоданом, в котором каким-то чудом помещается бесконечное количество стильной одежды. Мне же понадобились две поездки лифта и помощь двух человек.

— А сосед точно знает, что ты сегодня приезжаешь? — спросил Даня, когда мы подъехали к дому.

— Конечно, — ответила я. — Хозяйка обещала предупредить.

— Отлично.

Он посмотрел на подъезд.

— Потому что я знаком с парнем, который здесь живёт.

Я замерла.

— Что?

— Сосед твой. Марк.

Я медленно наклонилась вперёд.

— Ты знаешь Марка?

Даня кивнул.

— Ну да.

— Насколько хорошо?
— Достаточно.
— Это что значит?
— Мы друзья.
Я уставилась на него. Потом на Соню. Она почему-то выглядела очень заинтересованной видом из окна.
— Соня.
— М-м?
— Ты знала?
— Что именно?
— Что Даня дружит с моим соседом!
Она поправила волосы.
— Ну... да.
— И решила не говорить?!
— Алиса, какая разница?
— Огромная!
Я повернулась к Дане.
— Так. Быстро рассказывай. Он нормальный?
Даня задумался. Слишком надолго.
— Даня.
— Ну...
— Не пугай меня!
— Марк хороший парень.
Я облегчённо выдохнула.
— Но?
Даня посмотрел на Соню. Та прикрыла лицо ладонью.

— Откуда ты знаешь, что будет «но»? — спросил он.

— Я чувствую.

Парень рассмеялся.

— Он просто немного...

— Что?

— Специфический.

Моё сердце медленно опустилось куда-то в район желудка.

— Насколько специфический?

— Любит порядок.

— Это я уже слышала.

— Не особенно общительный.

— Тоже.

— Иногда грубоват.

Я закрыла глаза.

— Великолепно.

— Но не со зла! — поспешно добавил Даня. — Просто у него своеобразное чувство юмора.

— Даня, — вмешалась Соня, — хватит пугать человека.

— Я не пугаю!

Я посмотрела на них обоих.

— Ладно. Главное, чтобы он не был психопатом.

Даня усмехнулся.

— Ну, тут как посмотреть.

— Даня!

— Шучу!

Я глубоко вздохнула. Потом решительно открыла дверцу машины.

— Всё. Хватит. Я взрослая самостоятельная женщина. Справлюсь с одним молчаливым парнем.

Соня вышла следом.

— Вот именно.

Я поправила сумку на плече.

— И вообще, что может пойти не так?

Как выяснилось через несколько минут, практически всё. Мы поднялись на третий этаж. Даня нёс самую тяжёлую коробку. Соня тащила чемодан. Я держала Пломбира, пакет с косметикой и небольшую коробку с комнатными растениями, которые чудом пережили моё цветоводческое воспитание. Возле двери с номером двадцать семь я остановилась.

— Ну что, — торжественно произнесла я, — встречай меня, новая жизнь.

Я достала ключи, которые Елена Андреевна передала мне после подписания договора. Замок щёлкнул. Я толкнула дверь. Из квартиры пахло кофе. Свежим. Крепким. Очень вкусным. Я сделала шаг внутрь.

— Здравствуйте, я ваша новая проблема!

Соня тихо застонала за моей спиной.

— Алиса...

Но было поздно. Из кухни послышались шаги. Я поставила коробку на пол и подняла голову. В дверном проёме появился парень. Высокий. Тёмноволосый. В чёрной футбол-

ке и серых спортивных штанах. В руке он держал кружку. Я посмотрела на него. Он посмотрел на меня. И мир на мгновение остановился. Нет. Нет-нет-нет. Этого не может быть. Серые глаза. Резкие скулы. Прямой нос. То самое выражение лица человека, которому жизнь ежедневно подбрасывает идиотов. Я узнала его мгновенно. Парень с кофе. Тот самый. Мой личный враг номер один.

Он медленно перевёл взгляд с моего лица на розовые волосы. Потом на Пломбира. Потом на бесконечные коробки за моей спиной. Его брови едва заметно приподнялись.

— Только не говорите, что вы...

— НЕТ! — воскликнула я.

Соня вздрогнула. Даня чуть не выронил коробку. Парень нахмурился.

— Простите?

Я указала на него пальцем.

— Вы!

Он посмотрел на мой палец.

— Я.

— Вы здесь живёте?!

— Судя по всему.

— Вы Марк?!

Он медленно поставил кружку на тумбочку.

— А вы, я так понимаю, Алиса.

Мне захотелось кричать. Биться головой о стену. Выбежать на улицу и потребовать у Вселенной объяснений. Вме-

сто этого я произнесла:

— Это какая-то ошибка.

Марк посмотрел на Даню.

— Ты говорил, что новая соседка нормальная.

Даня открыл рот. Закрыл. Потом посмотрел на меня.

— Подождите, — сказал он. — Вы знакомы?

Я издала нервный смешок.

— О, ещё как!

Марк скрестил руки на груди.

— Мы случайно столкнулись возле университета.

— Он облил меня кофе!

— Вы стояли посреди дороги.

— Я ЛОВИЛА СНЕЖИНКИ!

В прихожей повисла тишина. Даня медленно повернулся к Марку. Потом ко мне. А потом начал смеяться. Не просто улыбаться. Не тихо хихикать. А совершенно бессовестно хохотать.

— Подожди, — выдавил он. — Это ты?!

Марк закрыл глаза.

— Даня.

— Та самая девушка?!

Я замерла.

— Какая ещё та самая?

Даня согнулся пополам.

— Господи, это лучшее, что я слышал за неделю!

Соня посмотрела на меня с широко раскрытыми глазами.

— Алиса... Это тот парень, который испортил тебе шубу?

— Да!

Она перевела взгляд на Марка. Потом снова на меня. И, к моему ужасу, тоже начала смеяться.

— Вы оба отвратительны, — сообщила я.

Марк медленно выдохнул.

— В этом мы хотя бы согласны.

Я повернулась к нему.

— Вы сейчас о чём?

— О ситуации.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

Господи. Какой же он невыносимый! Через десять минут, когда Даня и Соня наконец перестали смеяться, мы перенесли вещи в мою комнату. Точнее, Даня переносил. Соня руководила. Я стояла посреди гостиной и пыталась осмыслить масштаб катастрофы. Марк вернулся на кухню. Разумеется. Ни единой попытки помочь. Ни единого вопроса. Даже обычного человеческого «добро пожаловать» этот тип из себя не выдавил. Я посмотрела в сторону кухни. Потом на тяжёлую коробку возле дивана. Потом снова в сторону кухни. Нет.

Я не собиралась просить его о помощи. Пусть подавится своим кофе.

— Алиса, — позвала Соня, — куда ставить книги?

— Возле стола!

— А эту коробку?

— Рядом!

— А где у тебя постельное бельё?

Я задумалась.

— Хороший вопрос.

Соня медленно повернулась ко мне.

— Алиса.

— Что?

— Ты не подписала коробки?

— Подписала.

— Здесь написано «РАЗНОЕ».

— Ну да.

— На пяти коробках.

— У меня много разного.

Она устало прикрыла глаза. Из кухни донёсся короткий звук. Похожий на смешок. Я резко обернулась. Марк стоял возле холодильника и наливал себе воду. На его лице было совершенно невинное выражение.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

— Вы смеётесь?

— Нет.

Я прищурилась.

— Смеётесь.

— Вам показалось.

— Я всё слышала.

Он сделал глоток воды.

— Поздравляю.

Я открыла рот. Потом закрыла. Потому что не смогла придумать достойный ответ. И это раздражало больше всего. К полудню квартира превратилась в склад. Коробки стояли в коридоре, возле моей комнаты и даже возле входной двери. Пломбир занял почётное место на кровати. Одна кружка разбилась. К счастью, не та, что с котом. Я решила считать это знаком свыше. Соня и Даня собирались уезжать.

— Ты точно справишься? — спросила подруга, поправляя шарф.

— Конечно.

Она посмотрела на коробки.

— Уверена?

— Сонь, я умею распаковывать вещи.

— Вот именно это меня и пугает.

Даня прислонился к дверному косяку.

— Если что, звони. Помогу собрать мебель, прибить полки, починить что-нибудь.

— Спасибо.

Он улыбнулся.

— И не убейте друг друга.

Я посмотрела на Марка, который сидел за столом с ноутбуком.

— Ничего не обещаю.

— Я всё слышу, — спокойно сказал он.

— Отлично. Значит, слух у вас работает.

Даня снова рассмеялся. Марк поднял на него взгляд.

— Ты почему ещё здесь?

— Уже ухожу, дружище.

Он похлопал Марка по плечу.

— Держись.

Я возмущённо посмотрела на Даню.

— Это мне нужно говорить «держись»!

— Вы идеально поладите, — сообщил он.

— Даня, — одновременно произнесли мы с Марком.

Парень довольно улыбнулся.

— Вот видишь? Уже говорите хором.

Соня потянула его за рукав.

— Пойдём, пока нас не выгнали.

Перед уходом она крепко обняла меня.

— Позвони вечером.

— Обязательно.

— И постарайся не ссориться.

Я улыбнулась.

— Я само спокойствие.

Она выразительно посмотрела на меня. Потом на Марка.

— Именно этого я и боюсь.

Дверь закрылась. И в квартире стало тихо. Очень тихо. Я медленно повернулась. Марк продолжал работать за ноутбуком. На кухне тикали часы. За окном проехала машина. Я стояла посреди комнаты, обнимая пакет с косметикой,

и неожиданно почувствовала себя совершенно чужой. Ещё утром у меня была привычная квартира. Свои вещи на своих местах. Знакомые стены. Пусть даже протекающий кран и соседи с караоке. А теперь я оказалась здесь. С человеком, который явно не испытывал особой радости от моего появления.

Марк поднял голову.

— Вы собираетесь так и стоять?

Я моргнула.

— Что?

— Посреди гостиной.

— Я вам мешаю?

— Вы загораживаете проход.

Я медленно посмотрела вокруг. До ближайшего дверного проёма было метра три.

— Какой именно?

Марк закрыл ноутбук.

— Послушайте.

— Алиса.

Он нахмурился.

— Что?

— Меня зовут Алиса. Если мы собираемся жить в одной квартире, предлагаю хотя бы перестать обращаться друг к другу как незнакомые люди в очереди к стоматологу.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Хорошо. Алиса.

Почему-то моё имя в его исполнении прозвучало совершенно иначе. Низко. Спокойно. С лёгкой хрипотцой. Я мысленно отвесила себе пощёчину. Нет. Даже не думай. Этот человек испортил твою шубу. Он враг. Красивый враг. Но всё равно враг.

— Марк, — демонстративно ответила я.

Он кивнул.

— Тогда давай сразу договоримся о нескольких вещах.

Я насторожилась.

— О каких?

— О правилах совместного проживания.

Я уставилась на него. Потом медленно улыбнулась.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Правила?

— Да.

— Прямо сейчас?

— Желательно.

Я посмотрела на его совершенно серьёзное лицо. И вдруг поняла. Даня ошибался. Елена Андреевна ошибалась. Весь мир ошибался. Мой новый сосед был не просто скучным. Он был человеком, который, вероятно, составлял расписание даже для походов в туалет.

— Ладно, — сказала я. — Давай свои правила.

Марк открыл ящик стола. Достал лист бумаги. И ручку. Я медленно моргнула.

— Ты что, подготовился?

— Я предполагал, что нам придётся это обсудить.

— Ты распечатал список?

— Пока нет.

— Пока?!

Он проигнорировал вопрос.

— Первое. После одиннадцати вечера — тишина.

Я кивнула.

— Хорошо.

— Второе. Общие помещения должны оставаться чистыми.

— Разумно.

— Третье. Продукты друг друга не трогаем без разрешения.

— Согласна.

— Четвёртое. Если приглашаешь гостей, предупреждаешь заранее.

— Допустим.

— Пятое...

Я подняла руку. Марк остановился.

— Что?

— А можно я тоже предложу несколько правил?

Он слегка нахмурился.

— Конечно.

Я протянула ладонь.

— Дай ручку.

Марк посмотрел на меня. Потом на лист. Потом снова на меня.

— Зачем?

— Я хочу записать.

Он нехотя передал ручку. Я наклонилась над столом. Написала несколько строк. Потом с довольным видом повернула лист к нему. Марк прочитал. Его лицо не изменилось. Совсем. Но я заметила, как дёрнулась мышца возле скулы.

— Это шутка?

— Нет. Официальные правила.

Он медленно прочитал вслух:

— «Шестое. Не быть занудой».

— Очень важный пункт.

— «Седьмое. Не запрещать радость».

— Ещё важнее.

— «Восьмое. Не проливать кофе на соседей».

Я широко улыбнулась.

— Особенно актуально.

Марк положил лист на стол.

— Ты понимаешь, что мы пытаемся обсудить бытовые вопросы?

— Именно. Я очень серьёзно отношусь к бытовой безопасности своей одежды.

Он глубоко вдохнул. Потом выдохнул. И вдруг произнёс:

— Хорошо.

Я растерялась.

— Что?

— Хорошо. Не буду проливать на тебя кофе.

Я подозрительно прищурилась.

— Правда?

— Если ты не будешь стоять с закрытыми глазами посреди квартиры.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом я схватила подушку с дивана.

— Ах ты...

Марк мгновенно поднял ладонь.

— Даже не думай.

Я замерла. Он посмотрел на подушку. Потом на меня.

— Девятое правило, — спокойно произнёс он. — Не бросаться предметами.

Я медленно опустила подушку.

— Ненавижу тебя.

— Мы знакомы меньше часа.

— Мне хватило.

Он слегка приподнял уголок рта. Всего на мгновение. Почти незаметно. Но я увидела. И почему-то это разозлило меня ещё сильнее. Потому что улыбка ему шла. Невероятно шла. И это было совершенно несправедливо. К вечеру я распаковала примерно половину вещей. Остальные решили пока пожить в коробках. Мы с ними заключили негласное соглашение: я их не трогаю, они не напоминают мне о собственной лени. Комната постепенно становилась моей. На

полках появились книги. Возле зеркала — косметика. На кровати — мягкий плед.

На письменном столе — ноутбук, блокноты и маленькая лампа в форме луны. Я повесила на стену несколько открыток и фотографий. На одной мы с Соней сидели на пляже прошлым летом, сгоревшие на солнце и невероятно довольные жизнью. На другой я стояла возле университета с огромным букетом после первого курса. На третьей была мама. Она улыбалась. Фотография сделана давно, ещё до развода. Я несколько секунд смотрела на неё. Потом прикрепила рядом с остальными. Последней достала небольшую стеклянную баночку.

Внутри лежали бумажные звёздочки. Розовые. Голубые. Жёлтые. Белые. Я делала их с четырнадцати лет. Каждая звёздочка означала что-нибудь хорошее. Первую пятёрку за сложный экзамен. Поездку к морю. Вкусный торт. Смешную шутку. Неожиданное сообщение. Маленькую победу. Когда жизнь становилась особенно тяжёлой, я иногда открывала банку и разворачивала несколько бумажек. Читала. Вспоминала. Пыталась убедить себя, что хорошего всё-таки больше, чем плохого. Я поставила баночку на подоконник. За окном уже темнело.

Внизу включились фонари. На ветвях ели лежал снег. Я улыбнулась. Может быть, сегодня появится новая звёздочка. «Переехала в красивую квартиру». Звучало неплохо. Правда, потом придётся добавить: «Сосед оказался невыноси-

мым». Но об этом лучше не думать. Я переоделась в домашние шорты и огромную футболку, собрала розовые волосы в небрежный пучок и вышла на кухню. Марк стоял возле плиты. На нём всё ещё была чёрная футболка. Рукава плотно облегали предплечья. Я тут же отвела взгляд. Нет. Не смотри. Это запрещено.

Он помешивал что-то в кастрюле. На кухне пахло жареным луком и специями. Мой желудок немедленно заинтересовался происходящим. Марк поднял голову.

— Распаковалась?

— Почти.

— В коридоре ещё три коробки.

Я закатила глаза.

— А ты наблюдательный.

— Они мешают проходу.

— Марк, коридор достаточно широкий.

— Не настолько, чтобы хранить там мебельный склад.

Я посмотрела на него.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— Будто тебя назначили ответственным за порядок во Вселенной.

Он выключил плиту.

— Только когда кто-то превращает мою квартиру в пункт приёма гуманитарной помощи.

Я возмущённо выпрямилась.

— Вообще-то теперь это и моя квартира.

Марк посмотрел на меня. Несколько секунд молчал. Потом кивнул.

— Верно.

Я растерялась.

— Что?

— Ты права. Это теперь и твоя квартира.

Он произнёс это настолько спокойно, что мне стало неловко. Неожиданно. Я привыкла, что люди начинают спорить. Доказывать. Повышать голос. А он просто признал мою правоту.

— Ну... да, — пробормотала я.

Марк достал из шкафа тарелку. Потом вторую. Я заметила это и насторожилась.

— Ты кого-то ждёшь?

— Нет.

— А зачем две тарелки?

Он посмотрел на меня.

— Ты ела сегодня?

Я моргнула.

— Что?

— Ужинала?

— Нет.

Марк кивнул в сторону стола.

— Тогда садись.

Я медленно посмотрела на кастрюлю. Потом на него.

— Ты предлагаешь мне поесть?

— Нет, предлагаю тебе провести психологический эксперимент над макаронами.

Я прищурилась.

— Очень смешно.

Он поставил тарелку на стол.

— Их всё равно получилось слишком много.

Я колебалась. С одной стороны, гордость требовала отказаться. С другой — мой последний полноценный приём пищи состоялся несколько часов назад и представлял собой булочку с корицей. А пахло невероятно вкусно.

— Я могу заплатить, — сказала я.

Марк поднял брови.

— За макароны?

— Ну... за продукты.

Он посмотрел на меня с таким выражением, словно я предложила ему оплатить воздух.

— Алиса, просто садись.

Я медленно опустилась на стул. Марк поставил передо мной тарелку с пастой, курицей и соусом. Выглядело это лучше, чем всё, что я готовила за последние полгода. Я взяла вилку. Попробовала. И закрыла глаза.

— Боже.

Марк посмотрел на меня.

— Что?

— Это незаконно.

— Что именно?

— Так вкусно готовить.

Он ничего не ответил. Но уголок его рта снова дрогнул. Я сделала ещё один кусочек.

— Серьёзно. Ты где научился?

— Дома.

— Очень подробный ответ.

— Другого нет.

Я посмотрела на него поверх тарелки.

— Ты вообще умеешь разговаривать больше чем двумя предложениями?

— Умею.

— Продемонстрируй.

Он отпил воду.

— Не вижу необходимости.

Я рассмеялась. Совершенно неожиданно для себя. Марк поднял глаза. На секунду наши взгляды встретились. И мне вдруг показалось, что он удивился. Не моей шутке. Не словам. А именно смеху. Будто не ожидал, что я могу смеяться, находясь рядом с ним. Я поспешно опустила взгляд. Глупости. Просто усталость. Переезд. Недосып. И очень вкусные макароны. Мы ели почти молча. Иногда Марк отвечал на сообщения. Я рассматривала кухню, которая теперь должна была стать частью моей повседневной жизни. Всё было удивительно аккуратным.

Кружки стояли ручками в одну сторону. Специи распола-

гались по размеру. На холодильнике висел маленький магнит с изображением гор. Рядом — фотография девочки лет пятнадцати. У неё были тёмные волосы и серые глаза. Очень похожие на Марка.

— Это твоя сестра? — спросила я.

Он проследил за моим взглядом.

— Да.

— Красивая.

— Спасибо.

— Как её зовут?

— Вика.

Я кивнула.

— Она младше?

Марк посмотрел на меня.

— Очевидно.

Я медленно положила вилку.

— Знаешь, ты мог просто сказать «да».

— Мог.

— Но решил выбрать путь насилия.

Он нахмурился.

— Чего?

— Эмоционального. Ты уничтожаешь мои попытки построить нормальный диалог.

Марк неожиданно усмехнулся. Не просто дёрнул уголком рта. А действительно усмехнулся. Совсем коротко. Но вполне отчётливо. И я на секунду замерла. Потому что его лицо

изменилось. Сразу стало моложе. Мягче. Почти добрым. Я быстро отвела взгляд. Нет. Нет. Не начинай. Этот человек всё ещё не извинился нормально за мою шубу. И вообще составил список правил. И считает меня ненормальной. Красивые скулы не отменяют ужасного характера. Я решила сосредоточиться на еде.

После ужина я помыла свою тарелку. И тарелку Марка тоже. Он стоял рядом и вытирал посуду. Несколько минут мы работали молча. Это было странно. Непривычно. Но не так уж неприятно.

— Спасибо за ужин, — сказала я наконец.

— Не за что.

Я вытерла руки полотенцем.

— И за то, что признал моё право на существование в этой квартире.

Он посмотрел на меня.

— Не преувеличивай.

— Я не преувеличиваю. Это исторический момент. Нужно отметить в календаре.

Марк покачал головой.

— Ты всегда так много говоришь?

Я задумалась.

— Нет.

Он удивлённо приподнял брови.

— Правда?

— Во сне я обычно молчу.

Марк посмотрел на меня. Потом тихо рассмеялся. Всего на секунду. Но я услышала. И почему-то почувствовала маленькую, совершенно нелепую победу. Будто удалось растопить крошечный кусочек льда.

— Спокойной ночи, Марк, — сказала я.

— Спокойной, Алиса.

Я направилась в свою комнату. Уже возле двери остановилась. Обернулась. Он снова стоял у раковины. Высокий. Серьёзный. Уставший. И вдруг мне захотелось спросить, почему он так ненавидит снег. Почему почти не улыбается. Почему предпочитает молчать даже тогда, когда явно есть что сказать. Но я не спросила. Мы были знакомы слишком мало. И, если честно, я всё ещё считала его самым неприятным человеком ноября. По крайней мере, почти. Я закрыла дверь комнаты и прислонилась к ней спиной. В квартире было тихо.

Из кухни доносился негромкий шум воды. За окном падал снег. Я посмотрела на баночку с бумажными звёздами. Потом подошла к столу, достала маленький квадрат розовой бумаги и написала: «Сегодня я переехала. Кажется, всё будет хорошо». Свернула бумагу в звёздочку. Бросила в банку. И улыбнулась. Потому что впервые за долгое время мне действительно хотелось в это верить. Я ещё не знала, сколько всего изменится за ближайшие месяцы. Не знала, что однажды буду ждать звука его ключей в замке. Что научусь различать его настроение по тому, как он ставит чашку на стол.

Что его редкая улыбка станет для меня важнее сотни чужих комплиментов. И уж точно не знала, что однажды он разобьёт мне сердце. Но в тот вечер всё это было далеко. За пределами моей новой комнаты. За пределами первого снега. За пределами маленькой розовой звёздочки, лежавшей на дне стеклянной банки. А пока я просто выключила свет. Забралась под одеяло. И уснула в новом доме. Не подозревая, что настоящая история только начинается.

Глава 4. Правила совместного выживания

В воскресенье я проснулась от звука пылесоса. Не от будильника. Не от солнечного света, пробивающегося сквозь шторы. И даже не от настойчивого желания моего организма получить завтрак. От пылесоса. В восемь часов семнадцать минут утра.

В воскресенье. Я открыла один глаз, посмотрела на телефон и несколько секунд пыталась понять, кто настолько сильно ненавидит человечество, что решил устроить генеральную уборку в выходной день. Потом вспомнила. Марк. Разумеется, Марк. Я натянула одеяло на голову и попыталась снова уснуть. Бесполезно. Пылесос настойчиво гудел за стеной, приближаясь к моей двери, словно какое-то механическое чудовище, решившее уничтожить последние остатки моего душевного спокойствия. Вчера я легла почти в два часа ночи. После переезда никак не могла уснуть, поэтому разбирала фотографии, пересматривала старые сообщения и пыталась найти среди коробок зарядку от ноутбука.

Зарядку я так и не нашла. Зато обнаружила три помады, которые считала потерянными, новогоднюю открытку от Сони и одинокий носок неизвестного происхождения. К двум часам я окончательно смирилась с тем, что моя жизнь пред-

ставляет собой хаос, и уснула. А теперь кто-то решил, что восемь утра — прекрасное время для борьбы с пылью. Я села на кровати. Розовые волосы упали на лицо. Чёлка торчала в разные стороны, а футболка перекрутилась за ночь так, что воротник оказался почти на плече. За дверью снова загудел пылесос.

— Я убью его, — прошептала я.

Пломбир, сидевший на подушке, не возразил. Я выбралась из кровати, нашарила ногами тапочки и направилась в коридор. Марк стоял возле дивана. На нём были тёмные спортивные штаны и простая белая футболка. Волосы слегка растрепались, но в целом он выглядел настолько бодрым и собранным, что это показалось мне личным оскорблением. Он водил пылесосом по ковру с выражением человека, выполняющего чрезвычайно ответственную государственную миссию. Я остановилась в дверном проёме. Подождала. Марк меня не заметил.

Я кашлянула. Никакой реакции. Тогда я подошла к розетке и выдернула вилку. Пылесос замолчал. Марк медленно поднял голову. Посмотрел на меня. Потом на провод в моей руке.

— Доброе утро, — произнёс он.

— Кому как.

Его взгляд скользнул по моей растрёпанной голове, помятой футболке и домашним тапочкам с кроличьими ушами. На секунду мне показалось, что он пытается не улыбнуться.

— Ты плохо спала?

— Прекрасно. Особенно последние десять минут, когда мне снилось, что на меня нападает трактор.

Марк посмотрел на пылесос.

— Я убираюсь.

— Правда? А я думала, ты пытаешься пробурить скважину в полу.

— Уже половина девятого.

Я уставилась на него.

— И?

— Нормальное время.

— Для чего? Для выхода на пенсию?

Он вздохнул.

— Алиса, я не собирался тебя будить.

— Но разбудил.

— Значит, в следующий раз уберусь позже.

Я замерла. Вот так просто? Никакого спора? Никакой лекции о дисциплине? Я даже слегка растерялась.

— Ну... хорошо.

Марк кивнул.

— Хорошо.

Он наклонился, чтобы собрать провод. Я продолжала стоять посреди комнаты. Почему-то мне стало неловко. В конце концов, он действительно просто убирался. И, судя по состоянию квартиры, делал это регулярно. А я ворвалась и выдернула пылесос из розетки. Очень зрелое поведение.

— Слушай, — начала я.

Марк поднял глаза.

— Что?

— Я, наверное, немного резко...

— Немного?

Я прищурилась.

— Не перебивай человека, который пытается извиниться.

Он выпрямился.

— Извини.

— Вот именно.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом я вздохнула.

— Ладно. Прости, что выдернула провод. Просто я поздно легла.

— Ничего страшного.

— И ещё...

— Что?

Я посмотрела на пылесос.

— Ты можешь сначала пройтись по моей комнате? Раз уж начал.

Марк медленно моргнул.

— Что?

— Ну, там после переезда пыльно.

Он несколько секунд молчал. А потом произнёс:

— Нет.

Я возмутилась.

— Почему?!

— Потому что у тебя есть руки.

И, взяв пылесос, направился к кладовке. Я проводила его взглядом.

— Жадина!

— Я всё слышу.

— Отлично!

Так начался наш первый полноценный день совместного проживания. В девять утра я обнаружила, что у нас совершенно разные представления о завтраке. Марк ел омлет, тосты и пил чёрный кофе. Я нашла в своём пакете шоколадное печенье и решила, что оно прекрасно сочетается с холодным молоком. Правда, молока не оказалось. Я открыла холодильник. Осмотрела полки. На верхней стояли аккуратные контейнеры с едой. На средней — яйца, сыр, овощи и бутылка молока. На нижней лежали мои продукты: йогурт, пакет яблок и шоколадка.

Я посмотрела на бутылку. Потом на Марка.

— Слушай...

Он поднял голову от телефона.

— Что?

— Можно немного молока?

— Бери.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

Достала бутылку, налила молоко в кружку и с удоволь-

ствием обмакнула в него печенье. Марк наблюдал за происходящим с лёгким недоумением.

— Это твой завтрак?

— Да.

— Печенье?

— С молоком.

— Понятно.

Я откусила кусочек.

— Что?

— Ничего.

— Ты так сказал «понятно», словно поставил мне диагноз.

— Просто удивился.

— Чему?

— Что ты не ешь нормальную еду.

Я посмотрела на его тарелку.

— А что не так с печеньем?

— В нём почти нет ничего полезного.

— Зато есть счастье.

Марк вернулся к телефону.

— Счастье не заменяет белки.

Я медленно отложила печенье.

— Ты сейчас серьёзно читаешь мне лекцию о питании?

— Нет.

— А звучит именно так.

Он посмотрел на меня.

— Алиса, ешь что хочешь.

— Спасибо за разрешение.

Я демонстративно откусила ещё кусок. В этот момент Марк придвинул ко мне тарелку с оставшимся тостом.

— Хочешь?

Я моргнула.

— Что?

— Тост.

— Зачем?

Он посмотрел на меня с лёгким раздражением.

— Потому что я предлагаю тебе тост.

— А ты точно не пытаешься меня отравить?

Марк медленно забрал тарелку обратно.

— Забудь.

— Нет, подожди!

Я быстро схватила тост.

— Я возьму.

Он покачал головой. А я решила, что мой новый сосед — чрезвычайно странный человек. Сначала придирается к завтраку. Потом предлагает поделиться своим. Никакой последовательности. После завтрака я вернулась в комнату и попыталась наконец разобраться с вещами. Сначала всё шло хорошо. Я расставила книги по полкам, развесила одежду и организовала рабочий стол. Даже обнаружила зарядку от ноутбука, которая почему-то оказалась в коробке с зимними аксессуарами. Потом нашла гирлянду. Обычную, с маленькими тёплыми лампочками.

Я купила её ещё в прошлом году, но после праздников так и не убрала в кладовку. Теперь она лежала поверх стопки свитеров, запутавшись в проводах наушников. Я осторожно распутала шнур. Включила в розетку. Гирлянда загорелась. Комната сразу стала уютнее. Я улыбнулась. До Нового года оставалось больше месяца, но лично я не видела причин откладывать праздничное настроение до официально разрешённой даты. У меня даже появилась идея. Гостиная. Большое окно. Светлые стены. Шикарное место для гирлянд. Я взяла телефон и написала Соне.

Я: Как думаешь, если я украшу квартиру к Новому году в ноябре, меня выселят?

Соня: Марк?

Я: Нет, Дед Мороз. Конечно Марк.

Соня: Спроси его.

Я: Ты предлагаешь мне добровольно вступить в переговоры с человеком, который пылесосит в восемь утра?

Соня: Он хотя бы убирается.

Я: Ты на чьей стороне?

Соня: На стороне здравого смысла.

Я фыркнула и убрала телефон. Ладно. Гирлянды подождут. Пока. К полудню я решила, что заслужила перерыв. Переоделась в джинсы, надела тёплый свитер и отправилась на кухню. Марк сидел за столом с ноутбуком. Перед ним лежали какие-то чертежи, линейка и блокнот. На экране виднелась трёхмерная модель здания. Я остановилась за его пле-

чом.

— Ого.

Он не обернулся.

— Что?

— Это ты сделал?

— Да.

Я наклонилась ближе. На экране был современный дом с огромными окнами, террасами и необычной крышей.

— Красиво.

Марк слегка повернул голову.

— Спасибо.

Я посмотрела внимательнее.

— А почему здесь так мало деревьев?

Он нахмурился.

— Где?

— Вокруг здания.

— Это предварительная модель.

— А-а.

Я ещё немного порассматривала проект.

— А если добавить здесь небольшую аллею? И скамейки возле входа? Мне кажется, пространство станет уютнее.

Марк повернулся ко мне.

— Ты разбираешься в архитектуре?

— Нет.

— Тогда откуда выводы?

Я пожала плечами.

— Потому что я человек, который иногда выходит на улицу.

Он посмотрел на меня. Я посмотрела на него.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

Марк снова повернулся к экрану. Несколько секунд молча что-то изменял в программе. Потом открыл другое изображение. На нём уже были деревья. Много. И скамейки. И маленькая дорожка, ведущая к зданию. Я удивлённо подняла брови.

— О!

— Это отдельный этап проекта, — сказал он. — Пока я работаю над самим зданием.

— Понятно.

Я задумалась.

— Значит, ты всё-таки любишь деревья.

Он медленно закрыл глаза.

— Алиса.

— Что?

— Пожалуйста, дай мне поработать.

Я обиженно выпрямилась.

— Можно было просто попросить.

— Я попросил.

— Слишком официально.

Он тяжело вздохнул. Я отправилась к холодильнику, чувствуя, что победа в очередном раунде осталась за мной. Од-

нако через минуту выяснилось, что мой йогурт закончился. Я замерла с открытой дверцей. Посмотрела на верхнюю полку. Потом на среднюю. На нижней лежали яблоки и шоколадка. Йогурта не было. Странно. Я точно помнила, что вчера купила два. Один съела вечером. Второй оставила на сегодня. Может, переложила? Я проверила дверцу холодильника. Ничего.

— Марк?

— М-м?

— Ты мой йогурт не видел?

Он не отрывался от ноутбука.

— Какой?

— Клубничный.

— Нет.

Я нахмурилась.

— Странно.

Заглянула за контейнеры. Под пакет с овощами. За бутылку молока. И обнаружила пустую упаковку. Я достала её двумя пальцами. Посмотрела на Марка.

— Это что?

Он поднял голову. Несколько секунд рассматривал баночку.

— Йогурт.

— Очень смешно.

— Ты спросила.

Я поставила упаковку на стол.

— Ты его съел?

Марк нахмурился.

— Нет.

— А кто?

— Не знаю.

Я скрестила руки на груди.

— То есть ты хочешь сказать, что у нас в квартире завёлся йогуртовый вор?

Он медленно отодвинул ноутбук.

— Алиса, я не ел твой йогурт.

— Но упаковка пустая.

— Вижу.

— И мы живём вдвоём.

— Тоже в курсе.

Я открыла рот. И замолчала. Потому что в этот момент вспомнила. Ночью. Когда разбирала вещи. Я действительно выходила на кухню. И ела йогурт. Стоя возле холодильника. Прямо из баночки. А потом, кажется, поставила пустую упаковку обратно, потому что отвлеклась на сообщение от Сони. Я медленно опустила взгляд. Марк наблюдал за мной.

— Вспомнила? — спросил он.

Я закрыла глаза.

— Возможно.

— Алиса.

— Не начинай.

Он откинулся на спинку стула.

— Ты обвинила меня в краже йогурта.

— Я не обвиняла.

— Ты спросила, съел ли я его.

— Это было расследование.

— Очень профессиональное.

Я вздохнула.

— Ладно. Возможно, я сама его съела.

Марк некоторое время молчал. Потом вдруг рассмеялся. По-настоящему. Не сдержанно. Не едва заметно. А открыто, с низким хрипловатым звуком, который застал меня врасплох. Я уставилась на него. Он прикрыл рот рукой, но плечи всё ещё слегка подрагивали.

— Что смешного?!

— Ничего, — выдохнул он.

— Ты издеваешься!

— Просто... — Он снова посмотрел на пустую баночку. — Ты десять минут расследовала собственный ужин.

Я почувствовала, как горят щёки.

— Это не десять минут!

— Хорошо. Пять.

— Марк!

Он снова рассмеялся. А я, как ни старалась, не смогла удержаться от улыбки. Потому что это действительно было глупо. Невероятно глупо. Я схватила упаковку и выбросила в мусорное ведро.

— Забудем.

— Конечно.

— Навсегда.

— Как скажешь.

Я направилась к выходу. Уже возле двери услышала:

— Алиса?

Обернулась. Марк смотрел на меня с совершенно серьёзным лицом.

— В следующий раз допрашивай холодильник. У него больше информации.

Я показала ему средний палец. Он снова улыбнулся. В понедельник наша тихая бытовая война вышла на новый уровень. Началось всё с записки. Я нашла её на холодильнике, когда вернулась из университета. Белый лист бумаги. Аккуратный почерк. Четыре пункта. «Алиса, пожалуйста: Не оставляй кружки в гостиной. Убирай обувь с прохода. Закрывай крышку зубной пасты. Не занимай всю сушилку своими вещами. Спасибо. Марк». Я перечитала записку дважды. Потом третий раз. Посмотрела на свои ботинки, стоявшие возле обувницы.

На кружку, которую вчера действительно забыла возле дивана. На дверь ванной. И почувствовала, как внутри поднимается возмущение. Во-первых, моя обувь никому не мешала. Во-вторых, кружка была одна. В-третьих, кто вообще замечает, закрыта ли крышка зубной пасты? И в-четвёртых... Ладно, сушилку я действительно заняла целиком. Но это же не повод писать официальное обращение! Я сняла лист с хо-

лодильника. Достала ручку. И прямо под его списком написала: «Марк, пожалуйста: Не разговаривай со мной как с сотрудником клининговой компании.

Не включай пылесос раньше десяти утра в выходные. Не смотри на мой завтрак с осуждением. Улыбайся хотя бы раз в день. Это полезно для здоровья. Спасибо. Алиса». Прикрепила записку обратно. Отступила на шаг. Полюбовалась. Прекрасно. Дипломатический ответ. Исключительно конструктивный.

Вечером, когда я вышла за водой, на холодильнике появился ещё один лист. «Пятый пункт: не пиши записки поверх моих записок». Я хмыкнула. Достала ручку. И дописала: «Шестой пункт: не запрещай искусство». Утром следующего дня рядом красовалось: «Это не искусство». Я ответила: «Ты просто не понимаешь современный концептуализм». Марк написал: «Я понимаю, что нам нужен отдельный блокнот». Я прочитала ответ и задумалась. А ведь идея была неплохая.

В среду я купила блокнот. Розовый. С маленькими белыми сердечками на обложке. На первой странице написала крупными буквами: «КНИГА ЖАЛОБ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ КВАРТИРЫ № 27». Ниже добавила: «Уважаемые жильцы! Просим соблюдать правила приличия, не ругаться, не устраивать государственные перевороты и не воровать йогурты». Положила блокнот на кухонный стол. Рядом оставила ручку. Когда вечером Марк вернулся домой, я сидела в гостиной с

ноутбуком и делала вид, что полностью поглощена работой. Он разулся. Снял пальто.

Прошёл на кухню. Несколько минут стояла тишина. Потом я услышала:

— Алиса.

Я улыбнулась, не поднимая головы.

— Да?

— Что это?

— Что именно?

— Блокнот.

— А, это! — Я изобразила удивление. — Наш официальный документ.

Марк появился в дверном проёме. В руке он держал розовый блокнот.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Он посмотрел на сердечки. Потом на меня.

— Почему розовый?

— Потому что чёрный закончился.

— Ты купила его специально?

— Конечно. Я ответственный жилец.

Марк открыл блокнот. Прочитал первую страницу. Несколько секунд молчал. Потом закрыл.

— Ладно.

Я удивлённо подняла голову.

— Что значит «ладно»?

— Значит, будем писать сюда.

Он положил блокнот на журнальный столик. Я уставилась на него.

— Подожди. Ты согласен?

— А почему нет?

Я моргнула.

— Ну... не знаю.

Марк пожал плечами.

— Если это поможет не спорить из-за мелочей, я только за.

И направился в ванную. Я осталась сидеть с открытым ртом. Этот человек совершенно не умел правильно реагировать на мои провокации. Я ожидала возмущения. Споров. Хотя бы саркастического комментария. А он просто согласился. Невыносимо.

В четверг вечером я обнаружила в блокноте первую полноценную запись Марка. «Алиса, пожалуйста, не оставляй мокрые перчатки на батарее в гостиной. Под ними образуется лужа, а рядом удлинитель. Это небезопасно». Я нахмурилась. Посмотрела на батарею. Действительно. Перчатки висели прямо над удлинителем. Под ними на полу блестело небольшое мокрое пятно. Я сняла их. Вытерла воду. Переложила удлинитель подальше. И неожиданно почувствовала себя глупо. На этот раз Марк не придирался. Он был прав. Я взяла ручку и написала:

«Исправлено. Спасибо, что заметил». Немного подума-

ла. Добавила: «Но твоё лицо всё равно слишком серьёзное». На следующее утро под моей записью появилась короткая строчка: «А твоё слишком часто оказывается в холодильнике». Я возмущённо фыркнула. Но улыбнулась. К пятнице мы научились существовать в одной квартире без угроз международного конфликта. Почти. Марк перестал пылесосить по утрам. Я начала убирать обувь. Он больше не комментировал мои завтраки. Я старалась не разговаривать с ним, когда он работал.

Иногда мы ужинали вместе. Иногда молчали весь вечер. Иногда спорили из-за температуры отопления. Марк любил прохладу. Я — тепло. Он считал двадцать градусов нормальной температурой. Я считала двадцать градусов условиями для выращивания пингвинов.

В пятницу вечером мы снова встретились на кухне. Я пришла домой после долгого дня, во время которого преподаватель дважды заставил меня переделать проект, а один из заказчиков сообщил, что хочет «чуть-чуть изменить концепцию», прислав список из двадцати трёх замечаний. Марк сидел за столом. Перед ним лежали чертежи. Я остановилась возле холодильника.

— У меня вопрос.

Он поднял голову.

— Какой?

— Если я сейчас съем целую шоколадку, меня можно будет считать психически здоровым человеком?

Марк посмотрел на меня. Потом на часы.

— Что случилось?

Я замерла. Обычно люди отвечали на мои странные вопросы шутками. Или советовали не есть много сладкого. Но он почему-то спросил именно это. Что случилось. Я пожала плечами.

— Ничего особенного. Просто день отвратительный.

Он отложил карандаш.

— Из-за учёбы?

— И работы.

— Ты работаешь?

— Иногда. Беру заказы на дизайн. Логотипы, афиши, оформление соцсетей. Всё, за что люди готовы платить.

Марк кивнул.

— Понятно.

Я достала шоколадку. Развернула. Отломила кусочек.

— Сегодня заказчик попросил сделать логотип «дороже, но веселее».

Марк нахмурился.

— Что это значит?

— Вот именно!

Я села напротив.

— А потом сказал, что ему нужен минимализм, но чтобы побольше деталей. И ещё попросил сделать красный цвет менее красным.

Марк медленно поднял брови.

— Менее красным?

— Да! Я тоже пыталась выяснить, каким именно. Он сказал: «Ну, вы же дизайнер, вы должны понимать».

Марк неожиданно усмехнулся.

— Знакомо.

Я удивилась.

— Правда?

— У нас бывает то же самое. Клиент просит современный дом, но чтобы выглядел как старинный особняк. И обязательно большие окна, только чтобы с улицы ничего не было видно.

Я рассмеялась.

— О боже. Значит, это международная проблема.

— Похоже на то.

Мы переглянулись. И вдруг стало как-то легко. Не нужно было специально придумывать шутки. Не нужно было защищаться. Мы просто сидели на кухне и разговаривали. Как обычные люди. Я отломила ещё кусочек шоколадки. Протянула Марку.

— Будешь?

Он посмотрел на мою руку.

— Спасибо.

Взял. И только после этого я поняла, что впервые предложила ему что-то без скрытого желания вывести из себя. Странно. Непривычно. Но приятно.

— А ты почему так много работаешь? — спросила я.

Марк пожал плечами.

— Нужно.

— Очень содержательно.

Он слегка улыбнулся.

— Мне нравится моя работа.

— Даже когда клиенты просят сделать окна невидимыми?

— Особенно тогда.

Я рассмеялась. Марк отложил карандаш.

— А ты почему выбрала дизайн?

Вопрос застал меня врасплох. Я задумалась.

— Не знаю. Наверное, потому что люблю придумывать то, чего ещё не существует.

Он внимательно посмотрел на меня. Я провела пальцем по краю шоколадной обёртки.

— Когда была маленькой, постоянно рисовала. На бумаге, в тетрадях, на полях учебников. Один раз разрисовала мамину белую сумку фломастерами.

— И что было?

— Меня наказали.

— Неудивительно.

— Но потом мама купила мне большой альбом и сказала, что если я собираюсь портить вещи, то лучше начать с бумаги.

Марк усмехнулся.

— Разумный подход.

— Наверное. А потом я поняла, что больше всего люб-

лю не просто рисовать, а рассказывать истории картинками. Чтобы человек посмотрел и что-нибудь почувствовал.

Я подняла глаза. Марк слушал. Не перебивал. Не смотрел в телефон. Просто слушал. И почему-то мне захотелось продолжить.

— Мне нравится, когда изображение может вызвать эмоцию. Даже если это обычный плакат. Чтобы человек на секунду остановился. Улыбнулся. Или вспомнил что-нибудь хорошее.

Марк некоторое время молчал. Потом сказал:

— Это хорошая причина.

Я почувствовала, как внутри что-то приятно сжалось. Глупость. Обычный комплимент. Даже не комплимент, скорее замечание. Но почему-то мне стало тепло.

— Спасибо, — тихо ответила я.

Он кивнул. Потом снова взял карандаш. А я продолжила есть шоколадку. Несколько минут мы сидели молча. И впервые за неделю это молчание не казалось неудобным. Поздно вечером я лежала в кровати и переписывалась с Соней.

Соня: Ну как твой сосед?

Я задумалась.

Я: Жив.

Соня: Уже достижение.

Я: Мы почти перестали ругаться.

Соня: Не верю.

Я: Даже ужинаем иногда вместе.

Соня: ОГО.

Я: Не начинай.

Соня: Он красивый?

Я закатила глаза.

Я: Ты уже спрашивала.

Соня: А ты так и не ответила нормально.

Я некоторое время смотрела на экран. Потом написала:

Я: Нормальный.

Соня ответила мгновенно.

Соня: Значит, очень красивый.

Я бросила телефон на подушку.

— Ненавижу тебя.

Пломбир молчал. Я перевернулась на бок. За стеной послышались шаги. Марк, наверное, шёл на кухню. Потом тихо хлопнула дверца шкафа. Зазвенела чашка. И почему-то эти обычные бытовые звуки вдруг показались мне уютными. Раньше я жила одна. И иногда тишина в квартире становилась настолько плотной, что хотелось включить телевизор просто ради чужих голосов. Теперь за стеной кто-то существовал. Пил чай. Работал. Ходил по коридору. И даже составлял списки претензий. Я улыбнулась в темноте. Может быть, соседство с Марком окажется не такой уж катастрофой.

Хотя, конечно, расслабляться было рано. Впереди оставалось достаточно возможностей для взаимного уничтожения. Особенно учитывая, что я уже придумала, как украшу го-

стиную к Новому году. А Марк пока об этом не знал.

Глава 5. Человек, который ненавидит снег

Первый по-настоящему сильный снегопад начался в понедельник. За ночь город изменился до неузнаваемости. Утром я раздвинула шторы и несколько секунд просто стояла возле окна, не в силах поверить собственным глазам. Всё было белым. Крыши. Дороги. Машины. Скамейки во дворе. Большая ель возле подъезда превратилась в пушистую снежную пирамиду, а ветки деревьев прогибались под тяжестью мягких белых шапок. Даже мусорные баки выглядели почти празднично. Я прижала ладони к стеклу.

— О боже.

Снег продолжал падать. Крупными хлопьями. Не спеша. Красиво. Идеально. Я схватила телефон и сделала фотографию. Потом ещё одну. И ещё. Через минуту отправила Соне десять снимков подряд.

Я: СНЕГ!!!

Она ответила через несколько секунд.

Соня: Я знаю, Алиса. У меня тоже есть окно.

Я: ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ.

Соня: Что именно?

Я: ОН ПРЕКРАСЕН.

Соня: Ты так говоришь каждый год.

Я: Потому что каждый год он прекрасен.

Я бросила телефон на кровать и побежала одеваться. Сегодня я наконец собиралась надеть любимую белую шубу. Пятно после нескольких осторожных попыток очистки стало почти незаметным. Правда, я всё ещё планировала отнести её в химчистку, когда финансовое положение перестанет напоминать трагедию. Я надела короткую чёрную юбку, плотные тёмные колготки и тёплый свитер. Поверх — шубу, белый шарф, меховые наушники и перчатки. В завершение натянула высокие белые сапоги с пушистыми вставками. Посмотрела в зеркало.

Улыбнулась. Сегодня я выглядела как человек, который собирается сниматься в рекламе горячего шоколада. И мне это нравилось. На кухне пахло кофе. Марк стоял возле окна. В руках он держал кружку. Я вошла с широкой улыбкой.

— Доброе утро!

Он обернулся. Его взгляд скользнул по моей одежде. Задержался на меховых наушниках. Потом вернулся к лицу.

— Доброе.

— Ты видел?!

— Что?

Я указала на окно.

— Снег!

Марк посмотрел наружу.

— Видел.

— И?!

— Что «и»?

Я уставилась на него.

— Марк, там настоящая зимняя сказка!

Он сделал глоток кофе.

— Там пробки, гололёд и нечищеные тротуары.

Моя улыбка медленно погасла.

— Ты сейчас специально?

— Что?

— Пытаешься испортить мне настроение?

Он нахмурился.

— Нет.

— Тогда почему нельзя просто сказать: «Да, Алиса, снег прекрасен»?

Марк посмотрел на меня. Потом на окно.

— Потому что я так не считаю.

Я скрестила руки на груди.

— Ты ненавидишь снег?

Он помолчал.

— Да.

Я растерянно моргнула.

— Почему?

— Потому что он мешает.

— Кому?

— Всем.

Я возмущённо выпрямилась.

— Это неправда!

— Автобусы опаздывают. Дороги становятся опасными. Люди падают.

— Зато красиво!

— Красота не отменяет сломанных лодыжек.

Я несколько секунд смотрела на него. Потом тяжело вздохнула.

— Ты невозможный человек.

— Мне уже говорили.

— Наверняка неоднократно.

Марк поставил кружку на стол.

— Ты опоздаешь на занятия, если будешь продолжать спорить.

Я посмотрела на часы. Чёрт. Он был прав. Ненавижу, когда он прав.

— Ладно, — сказала я, хватая сумку. — Но однажды я докажу тебе, что зима прекрасна.

Марк никак не отреагировал. Только взял ключи.

— Не трать время.

Я остановилась.

— Что?

Он посмотрел на меня.

— Я не люблю зиму, Алиса. И не собираюсь менять мнение.

Почему-то его голос прозвучал резче обычного. Совсем немного. Но я заметила. Я нахмурилась.

— Ну и пожалуйста.

Марк отвернулся. А я вышла из квартиры, чувствуя непонятное раздражение. Не из-за снега. И даже не из-за его слов. Просто в какой-то момент мне показалось, что за этим спокойным, почти равнодушным выражением лица скрывается что-то ещё. Что-то, о чём он совершенно не хочет говорить. Университет встретил меня мокрыми следами на полу, запахом кофе и студентами, которые дружно жаловались на снегопад.

— Я сорок минут ждала автобус! — возмущалась девушка возле гардероба.

— А у нас маршрутка застряла возле моста, — ответила её подруга.

— Я вообще чуть не упал!

Я молча сняла наушники. Не понимаю этих людей. Им подарили целую зиму, а они жалуются. Хотя, справедливости ради, я тоже едва не упала три раза по дороге. Но это совершенно неважно. Возле аудитории меня встретила Соня. На ней была тёмно-синяя пуховая куртка, длинный серый шарф и шапка, из-под которой выбивались светлые пряди.

— Ты выглядишь как снежная принцесса, — сказала она.

Я довольно покружилась.

— Спасибо.

Соня посмотрела на мои сапоги.

— Ты уверена, что в них удобно ходить?

— Очень.

В этот момент я поскользнулась на влажном полу. Соня

успела схватить меня за локоть. Мы обе замерли. Я медленно выпрямилась.

— Это была демонстрация.

— Чего?

— Гравитации.

Она расхохоталась. Мы вошли в аудиторию и заняли привычные места возле окна. До начала пары оставалось десять минут. Я достала ноутбук, блокнот и ручку. Соня посмотрела на меня.

— Ну что, как дела с Марком?

— Он ненавидит снег.

Она удивлённо подняла брови.

— И?

— Что «и»? Это ужасно!

— Почему?

Я повернулась к ней всем корпусом.

— Соня, как можно ненавидеть снег?

Она пожала плечами.

— Ну, не всем нравится зима.

— Но он же даже не пытается!

— Алиса.

— Что?

— Люди имеют право не любить то, что любишь ты.

Я открыла рот. Потом закрыла. Потому что это было справедливо. И крайне неудобно.

— Я знаю, — пробормотала я.

Соня улыбнулась.

— Но всё равно хочешь его переубедить?

Я вздохнула.

— Очень.

Она покачала головой.

— Бедный Марк.

— Почему сразу бедный?

— Потому что ты сейчас придумаешь какую-нибудь глупость.

Я задумалась.

— Вообще-то...

Соня медленно закрыла глаза.

— Алиса, нет.

— Ты даже не знаешь, что я хочу предложить!

— Именно поэтому и говорю «нет».

Я рассмеялась. Но идея уже появилась. И, как обычно, избавиться от неё оказалось невозможно. После занятий я отправилась в маленький магазин канцтоваров возле университета. Мне нужен был блокнот для нового проекта. По крайней мере, именно это я сказала Соне. На самом деле меня интересовало кое-что другое. Я остановилась возле стойки с цветной бумагой. Взяла листы голубого, белого и серебристого цвета. Потом добавила несколько наклеек в форме снежинок. И маленькую пачку декоративных конвертов. Продавщица посмотрела на мои покупки.

— Готовитесь к Новому году?

Я улыбнулась.

— К спасению одного человека.

Она удивлённо моргнула. Я расплатилась и вышла на улицу. Снег всё ещё падал. Я остановилась под козырьком магазина и достала телефон. Открыла заметки. Написала заголовок: «ДЕСЯТЬ ПРИЧИН ПОЛЮБИТЬ ЗИМУ». Потом задумалась. И начала составлять список. Первое — горячий шоколад. Второе — снегопад. Третье — каток. Четвёртое — новогодние гирлянды. Пятое — снежки. Шестое — прогулка вечером. Седьмое — лепка снеговика. Восьмое — рождественская ярмарка. Девятое — совместный просмотр зимнего фильма. Десятое...

Я остановилась. Последний пункт почему-то не придумывался. Хотелось чего-нибудь особенного. Не просто развлечения. Чего-то, что действительно могло бы изменить отношение человека к зиме. Я задумчиво посмотрела на падающие снежинки. Потом улыбнулась. Десятый пункт пока оставим пустым. В конце концов, некоторые вещи должны происходить неожиданно.

Вечером я вернулась домой в отличном настроении. На улице уже стемнело, и фонари превращали снег в россыпь маленьких огней. В подъезде пахло свежей выпечкой. Где-то на верхнем этаже играла музыка. Я поднялась к квартире, открыла дверь и сразу заметила мужские ботинки возле обувницы. Марк дома. Прекрасно. У меня был план. И я намеревалась его осуществить. Я сняла шубу, аккуратно пове-

сила шарф и направилась на кухню. Марк сидел за столом. Перед ним стоял ноутбук. На экране мелькали чертежи. Возле локтя лежал телефон.

Он выглядел уставшим. Сильнее обычного. Под глазами залегли тени, волосы были растрёпаны, а на лице застыло такое напряжённое выражение, будто последние несколько часов он решал исключительно чужие проблемы. Я остановилась в дверном проёме.

— Привет.

Он поднял голову.

— Привет.

— Как день?

— Нормально.

Я прислонилась к косяку.

— Очень содержательно.

Марк снова посмотрел на экран.

— А у тебя?

— Прекрасно. Я почти упала возле университета, купила бумагу и придумала гениальный план.

Он медленно поднял глаза.

— Мне уже страшно.

Я улыбнулась.

— Правильно.

Достала из сумки сложенный лист. Положила перед ним. Марк посмотрел на бумагу. Потом на меня.

— Что это?

— Спасение твоей души.

Он закрыл глаза.

— Алиса...

— Не начинай. Сначала прочитай.

Марк развернул лист. На нём крупными буквами было написано: «ОПЕРАЦИЯ „ПОЛЮБИ ЗИМУ“». Ниже располагался список из десяти пунктов. Я украсила его маленькими снежинками и нарисовала в углу снеговика. Марк смотрел на лист довольно долго. Потом медленно поднял голову.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Это что?

— Программа зимней реабилитации.

Он посмотрел на меня.

— Чего?

— Твоего отношения к снегу.

Марк откинулся на спинку стула. Несколько секунд молчал. Потом произнёс:

— Алиса, мне не нужна реабилитация.

— Всем так кажется в начале.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он положил лист на стол.

— У меня нет времени на подобные вещи.

Я придвинула стул и села напротив.

— Десять небольших заданий. До конца зимы. Это же не

так много.

— Зачем?

Я задумалась. Странный вопрос. Неужели ему действительно непонятно?

— Потому что зима прекрасна.

— Мы уже обсуждали это утром.

— Но ты не привёл ни одного убедительного аргумента.

Марк посмотрел на меня так, словно я только что сообщила, что собираюсь доказать существование драконов.

— Алиса.

— Марк.

— Я не собираюсь участвовать.

— Даже ради горячего шоколада?

— Нет.

— Даже ради катка?

— Особенно ради катка.

Я прищурилась.

— Ты не умеешь кататься?

— Умею.

Слишком быстро. Я подозрительно улыбнулась.

— Правда?

— Да.

— Тогда почему не хочешь?

Он посмотрел на часы.

— Потому что у меня есть дела.

Я вздохнула.

— Какие же вы, взрослые люди, скучные.

— Тебе двадцать.

— Зато душой я моложе.

Марк не ответил. Просто снова повернулся к ноутбуку. Я посмотрела на него. На его напряжённые плечи. На усталое лицо. И вдруг почувствовала, как первоначальный азарт начинает угасать. Может, Соня была права. Может, я действительно слишком навязчивая. Не все обязаны радоваться снегу. Не все должны смеяться над моими шутками. И уж точно никто не обязан участвовать в странных играх только потому, что мне захотелось. Я медленно забрала лист.

— Ладно.

Марк поднял голову.

— Что?

— Ничего. Забудь.

Я сложила бумагу. Встала. И направилась к выходу.

— Алиса.

Я остановилась.

— Что?

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Я не хотел тебя обидеть.

Я пожала плечами.

— Ты и не обидел.

Наверное, соврала. Совсем немного. Марк вздохнул.

— Просто я действительно не люблю зиму.

— Я поняла.

— И не хочу...

Он замолчал. Я обернулась. На его лице появилось странное выражение. Будто он собирался сказать что-то важное, но в последний момент передумал.

— Что? — спросила я.

Марк отвёл взгляд.

— Ничего.

Я подождала. Он снова посмотрел в ноутбук. И я вдруг почувствовала, что разговор закончен. Не потому, что нам больше нечего было сказать. А потому, что он не собирался пускать меня дальше. Я кивнула.

— Хорошо.

И ушла в комнату. Вечером я сидела на кровати, пытаясь работать над проектом. Получалось плохо. На экране был открыт макет рекламного плаката. Я смотрела на него уже двадцать минут и никак не могла решить, куда поставить заголовок. Слева? Справа? По центру? Какая разница. Я раздражённо откинулась на подушки. Пломбир упал мне на колени. Я взяла его за лапу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.